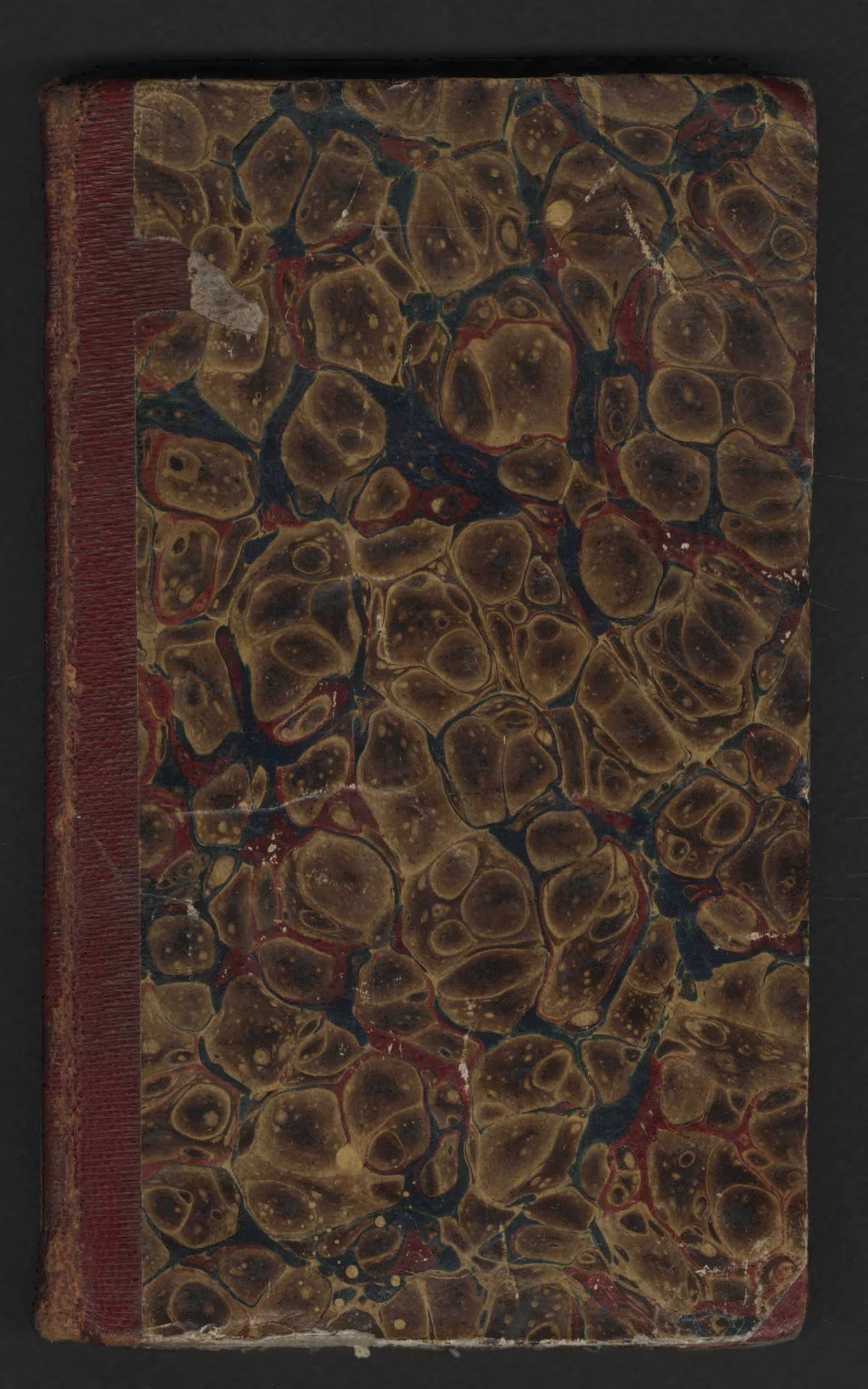

ГУРОНЪ

или

ПРОСТОДУШНЫЙ

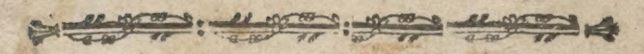
справедливая повѣсть

изъ

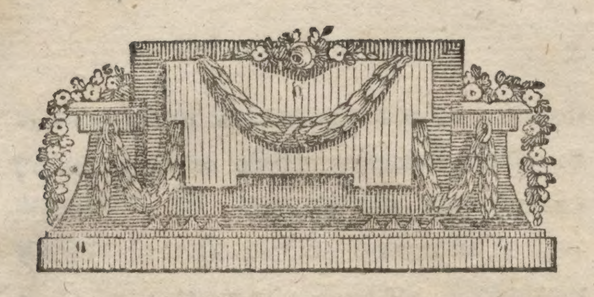
сочиненій

Г. ВОЛТЕРА.

ВЪ Санктпетербургѣ. 1789

Глава I.

Какимъ образомъ Горской Обители Настоятель и дѣвица сестра его увидѣлися съ Гурономъ.

Нѣкогда Сентъ-Дунстанъ, Ирландскій уроженецъ и мнимый чудодѣй, отправился изъ Ирландіи на небольшой горѣ, которая плыла къ Французскимъ берегамъ, и прибылъ на семъ суднѣ въ Сентъ-Мальской заливъ. Приставши къ берегу отпустилъ онъ свою гору, которая изъявя ему свое глубокое

 почте-

почтенїе, возвратилась оттуда паки въ Ирландїю тѣмъ же путемъ, коимъ она приплыла.

Дунстанъ основалъ въ сихъ мѣстахъ малую обитель, и далъ ей имя *Горскїя Обители*, которое она и по нынѣ имѣетъ, какъ то всякъ знаетъ.

Въ 1689 году Іюля 15 дня въ вечеру Аббатъ де Керкабонъ, *Горской Обители* Настоятель, прохаживался по морскому берегу съ дѣвицею де Керкабонъ, своею сестрою, дабы воспользоваться свѣжимъ воздухомъ. Настоятель нѣсколько пожилой, пречестной церковнослужитель, былъ любимъ своими сосѣдями, а съ молодыхъ лѣтъ любили его и сосѣдки. Пачеже всего имѣли къ нему великое уваженїе за то, что изъ всѣхъ въ той странѣ пользующихся доходами съ помѣстїй духовныхъ, одного

толь-

только его не выносили на рукахъ въ постель, по окончанїи вечерней трапезы съ честными его собратїями. Онъ зналъ довольно изрядно богословїю, и когда уставалъ отъ чтенїя С. Августина, то забавлялся Рабеллесомъ; и за то всѣ отзывались объ немъ хорошо.

Дѣвица де Керкабонъ, которая никогда не была замужемъ, хотя имѣла къ тому великую склонность, сохранила всю прїятность младости на сорокъ пятомъ году отъ рожденїя; свойство души ея было доброе и чувствительное; она любила веселїе и была набожна.

Настоятель глядя на море сказалъ своей сестрѣ: Ахъ! отсюда то нашъ нещастной братъ съ нашею любезною невѣсткою госпожею де Керкабонъ, а его женою, въ 1669 году отправился на фрегатѣ

гатѣ *Л' Ирондель*, для вступленія въ службу въ Канадѣ. Естьлибы онъ не былъ убитъ, то мы бы могли надѣяться опять его увидѣть.

Думаете ли вы, говорила дѣвица де Керкабонъ, что наша невѣстка съѣдена Ирокойцами, какъ то намъ насказали? правда естьлибъ она не была съѣдена, то бы возвратилась въ отечество. Я по ней буду плакать во всю свою жизнь; это была премилая женщина; и нашъ братъ, который имѣлъ много разума, былъ бы дѣйствительно великимъ человѣкомъ.

Въ то самое время, какъ изъявляли они при семъ воспоминаніи свое сожалѣніе, увидѣли входящее въ Ранской заливъ небольшое судно, которое прибыло съ приливомъ. Наономъ были Агличане, пріѣхавшіе для продажи нѣкоторыхъ государства своего съѣстныхъ припасовъ.

Они

Они выскочили на берегъ не поглядя ни на господина Настоятеля, ни на дѣвицу сестру его, которая крайне негодовала за то, что они оказали ей такое малое уваженіе.

Но молодой весьма пригожей человѣкъ поступилъ совсѣмъ инако. Онъ вскочилъ, и съ одного размаху перелетѣвъ чрезъ своихъ сотоварищей, спалъ предъ дѣвицею, и кивнулъ ей головою, не зная обычая дѣлать поклоны. Видъ его и нарядъ обратили взоры брата и сестры. Голова у него была непокрыта и ноги голыя, обутыя въ однѣ легкія сандали; долгіе волосы въ косу заплетенные, украшали его голову; коротенькая фуфайка сидѣла на немъ плотно, и изъ подъ нея виденъ былъ тонкой и складной его станъ. Онъ имѣлъ взоръ мужественной и пріятной. Въ одной

рукѣ

рукѣ держалъ небольшую бутылку съ Барбадскою водкою, а въ другой мѣшечекъ, въ которомъ былъ стаканъ и преизрядные морскїе сухари. По французски говорилъ онъ весьма вразумительно. Онъ поднесъ своей Барбадской водки дѣвицѣ де Керкабонъ и Господину ея брату, и самъ пилъ съ ними: потомъ еще поднесъ имъ оной; и все сїе дѣлалъ съ такимъ простымъ и съ такимъ природнымъ видомъ, что братъ и сестра были имъ плѣнены. Они предложили ему свои услуги, спрося его кто онъ таковъ и куда ѣдетъ? Молодой человѣкъ отвѣчалъ имъ, что онъ отомъ ничего не знаетъ, что онъ любопытенъ, желаетъ видѣть какъ французскїе берега расположены, что онъ прїѣхалъ и скоро хочетъ опять отправиться.

Госпо-

Господинъ Настоятель судя по произношенію его, что онъ не Агличанинъ, принялъ смѣлость спросить у него, изъ какой онъ страны? Я *Гуронъ*, отвѣчалъ ему молодой человѣкъ.

Дѣвица де Керкабонъ удивляясь и восхищаясь видя Гурона, которой былъ предъ нею столько вѣжливъ просила молодаго человѣка къ себѣ на ужинъ. Онъ не заставилъ просить себя два раза, и всѣ трое вмѣстѣ пошли въ горскую обитель.

Малорослая толстая дѣвица глядѣла на него обѣими своими маленькими глазами, и по времяни безпрестанно повторяла Настоятелю: этотъ рослой молодецъ лицомъ бѣлъ и румяненъ какъ лилея и роза! у него тѣло несравненно нѣжнѣе, нежели у природнаго Гурона! Это правда, сестрица, сказалъ

ей

ей Настоятель. Она безумолкно дѣлала множество вопросовъ одинъ по другомъ, и путешественникъ всегда очень разумно ей отвѣчалъ.

Слухъ немедлѣнно разнесся, что въ обители былъ Гуронъ. Добрые прїятели поспѣшали въ обитель къ ужинному столу. Аббатъ де Сентъ-Ивъ прїѣхалъ туда съ дѣвицею своею сестрою, молодою Нижне-Бретанкою, весьма пригожею и очень хорошо воспитанною. Окружной судья, сборщикъ подашей и ихъ жены тутъ же находились. Чужестранца посадили между дѣвицею де Керкабонъ и дѣвицею де Сентъ-Ивою. Всѣ глядѣли на него съ удивленїемъ; всѣ говорили съ нимъ и распрашивали его однимъ разомъ; Гуронъ отъ того не поколебался. Казалось, что онъ принялъ себѣ за правило мысль Милорда Болинеброка: *ничему ни удивляться*

влятъся. Но наконецъ будучи заглушенъ ихъ шумомъ. сказалъ имъ весьма ласково, но съ нѣкоторымъ твердымъ духомъ: Государи мои, въ моей землѣ говорятъ одинъ по другомъ; какъ же вы хотите, чтобъ я вамъ отвѣчалъ, когда вы мѣшаете мнѣ васъ выслушать? Справедливость всегда заставляетъ людей опомниться на нѣсколько минутъ. Глубокое молчанїе послѣдовало. Господинъ судья, которой всегда приставалъ къ чужестранцамъ во всѣхъ домахъ, гдѣ бы ему быть ни случалось, и которой по всей Провинцїи почитался превозходнымъ допросчикомъ, спросилъ его растворя ротъ въ полъ-фута: Государь мой, какъ васъ называютъ? Меня всегда называли *Простодушнымъ*, отвѣчалъ Гуронъ; и сїе имя подтвердили мнѣ въ Англїи для того, что я всегда говорю от-

откровенно, то что думаю, такъ какъ и дѣлаю все то, что хочу.

Какъ же, Государь мой, будучи Гуреномъ, могли вы прїѣхать въ Англїю? А такъ что меня туда привезли. Я былъ взятъ Агличанами въ плѣнъ на сраженїи, гдѣ защищался отъ нихъ весьма изрядно; и какъ Агличане, кои любятъ храбрость, за тѣмъ что и сами они храбры, и кои столько же честны какъ и мы, предложили мнѣ хочу ли я возвратиться къ своимъ родственникамъ, или ѣхать съ ними въ Англїю, то и согласился я на послѣднее потому, что по природной моей склонности страстно люблю видѣть свѣтъ.

Но какъ вы, Государь мой, сказалъ ему судья важнымъ голосомъ, могли оставить своего отца и мать? А такъ, сказалъ ему чужестранецъ, что я никогда не зналъ

ни

ни отца ни матери. Всѣ гости были тронуты жалостїю: всѣ они повторили: *ни отца ни матери!* мы ему будемъ вмѣсто родителей, сказала хозяйка своему брату Настоятелю; какъ этотъ Господинъ Гуронъ жалокъ! Простодушный благодарилъ ей съ благородною и важною искренностїю и далъ разумѣть, что онъ ни въ чемъ нужды не имѣетъ.

Я примѣчаю, Господинъ Гуронъ, сказалъ важный судья, что вы говорите по Французски лучше, нежели бы слѣдовало Гурону. Французъ, отвѣчалъ онъ, коего мы взяли въ Гуронїи, во время когда я еще былъ малолѣтенъ, и къ которому имѣлъ я великую привязанность, обучилъ меня своему языку. Я очень скоро научаюсь тому, что хочу знать. Прїѣхавши въ Плимутъ, нашелъ я одного изъ

вашихъ бѣглыхъ Французовъ, коихъ вы, незнаю по чему, называете Гугенотами; онъ мнѣ нѣсколько способствовалъ, что я успѣлъ въ познанiи вашего языка; и какъ скоро сталъ я вразумительно изъясняться, то и прiѣхалъ посмотрѣть вашу землю для того, что я довольно люблю Французовъ, когда они не дѣлаютъ излишнихъ распросовъ.

Аббатъ де Сентъ-Ивъ, несмотря на сiе малое предувѣдомленiе, спросилъ его: которой изъ трехъ языковъ больше ему нравится, Гуронской, Аглинской, или Французской? Гуронской безъ сомнѣнiя, отвѣчалъ Простодушной. Возможно ли? вскричала дѣвица де Керкабонъ; а я всегда думала, что Французской по Нижне - Бретанскомъ былъ наипрекраснѣйшiй изъ всѣхъ языковъ.

Тогда

Тогда то начали наперерывъ спрашивать у Простодушнаго, какъ называется по Гуронски табакъ? и онъ отвѣчалъ: *Таіяj* какъ вопрошали ѣсть? *Эсентенъ.* Дѣвица де Керкабонъ непремѣнно хотѣла знать, какъ по Гуронски любиться? Онъ ей сказалъ: *трованде́ръ* *); и утверждалъ съ вѣроятною справедливостію, что сіи слова очень стоили словъ Французскихъ и Аглинскихъ, кои онымъ соотвѣтствовали. *Тровайдеръ* весьма прекраснымъ показалось всѣмъ гостямъ.

Господинъ Настоятель имѣя въ своей библіотекѣ Гуронскую грамматику, которую почтенный отецъ Загаръ Өеодатъ францисканъ, славной миссіонеръ ему подарилъ, вышелъ изъ за стола на минуту, справиться о подлинности тѣхъ именъ. Онъ возвратился весь запы-

*) Всѣ сіи слова дѣйствительно Гуронскія.

пыхавшись отъ удовольствія и радости; и признаЛъ Простодушнаго настоящимъ Гурономъ. Посемъ имѣли небольшое прѣніе о многоразличіи языковъ и согласились, что естьли бы не былъ разрушенъ Вавилонской столпъ, то вся вселенная говорила бы по французски.

Вопросительной судья, которой до сего имѣлъ нѣкоторую недовѣренность къ молодому человѣку, почувствовалъ къ нему глубокое почтеніе: онъ сталъ съ нимъ говорить съ большею учтивостію нежели прежде, но Простодушный того не примѣчалъ.

Дѣвица де Сентъ-Ива была очень любопытна знать, какъ пріобрѣтаютъ любовь въ Гуроніи? Производя прекрасныя дѣла, отвѣчалъ онъ, кои бы нравились особамъ вамъ подобнымъ. Всѣ гости похвалили его съ удивленіемъ. Дѣвица

де

де Сентъ-Ива покраснѣла и была очень довольна. Дѣвица де Керкабонъ также покраснѣла, но не такъ была довольна; она только огорчилась нѣсколько за то, что такое любовное изреченїе не ей было сказано; но впрочемъ была столь добрая дѣвица, что отъ того сердечное ея расположенїе къ Гурону нимало не перемѣнилось. Она спросила у него съ великою благосклонностїю, сколько имѣлъ онъ въ Гуронїи любовницъ? я никогда болѣе одной не имѣлъ, отвѣчалъ Простодушной; это была дѣвица *Абакаба*, добрая прїятельница моей любезной Кормилицы: трости не прямѣе, горностай не бѣлѣе, барашки не смирнѣе, орлы не столь бодры и олени не столь легки, какова была Абакаба. Она гналась однажды за зайцемъ въ нашемъ сосѣдствѣ, около пятидесяти миль отъ нашего се-

ленїя.

ленія. Одинъ Алгонкинецъ худо воспитанный, которой жилъ за сто миль далѣе, отнялъ у нее зайца; я о томъ узналъ, прибѣжалъ туда, повергъ дубиною Алгонкинца на-земь и притащилъ его къ стопамъ моей любовницы, связавъ ему руки и ноги. Родственники Абакабы хотѣли его съѣсть; но я никогда неимѣлъ склонности къ таковымъ ѣствамъ. Я далъ ему свободу и здѣлалъ его своимъ пріятелемъ. Абакаба столь была тронута моимъ поступкомъ, что предпочла меня всѣмъ своимъ любовникамъ. Она и теперь бы еще все меня любила, естли бы не была съѣдена медвѣдемъ. Я отомстилъ медведю; носилъ долгое время его кожу; но сіе меня не утѣшало.

Дѣвица де Сентъ-Ива при семъ повѣствованіи чувствовала тайное удовольствіе слыша, что Простодушной

душной имѣлъ только одну любовницу и что Абакабы уже не было на свѣтѣ; но она не понимала причины сего чувствованія. Всѣ устремя глаза глядѣли на Простодушнаго и хвалили его много за то, что не допустилъ своихъ сотоварищей сѣѣсть Алгонкинца.

Немилосердый судья, которой не могъ обуздать своей безумной страсти къ вопросамъ, любопытствовалъ на конецъ и о томъ, какого былъ Господинъ Гуронъ закона и какую вѣру предпочитаетъ, Аглинскую, Французкую, или Гугенотскую? Я имѣю свой законъ такъ какъ и вы, сказалъ онъ. Ахъ! праведное небо, прервала рѣчь дѣвица де Сентъ-Иза, можно ли статься, чтобъ почтенные отцы Езуиты оставили Гуроновъ въ ихъ невѣріи? Простодушный увѣрялъ ее, что въ его землѣ никто не

обращенЪ; что никогда ГуронЪ не перемѣнялЪ своего мнѣнія, и что на ихЪ языкѣ нѣтЪ совсѣмЪ такого слова, которое значило бы *непостоянство*. Сіи послѣднія слова чрезмѣрно понравились дѣвицѣ де СентЪ-Ивѣ.

ЗдѣлаемЪ его единовѣрнымЪ сЪ нами, сказала дѣвица де КеркабонЪ Господину Настоятелю; вы будете имѣть сію честь любезной мой братЪ; ГосподинЪ АббатЪ де СентЪ-ИвЪ и сестра его будутЪ ему воспріемниками: это будетЪ прекрасная церемонія; объ оной будутЪ говорить во всей Нижней-Бретаніи, и это здѣлаетЪ намЪ превеликую честь. Вся компанія подтвердила мнѣніе хозяйки дому, всѣ гости кричали: *ты будешъ нашъ единовѣрецъ.* Простодушный отвѣчалЪ, что вЪ Англіи оставляли людей жить по ихЪ волѣ. ОнЪ далЪ имЪ

разу-

разумѣть, что намѣреніе ихъ совсѣмъ ему не нравится, и что законъ Гуроновъ стоилъ по крайней мѣрѣ закона Нижнихъ-Бретанцовъ. На конецъ сказалъ, что завтрешняго дня отправится онъ отъ нихъ. Бутылку съ Барбадскою водкою совсѣмъ опростали; и каждой пошелъ лечь спать.

Когда отвели Простодушнаго въ его комнату, дѣвица де Керкабонъ и ея пріятельница де Сентъ-Ива не могли удержаться, чтобъ не поглядѣть въ скважину широкаго замка, какъ Гуронъ спитъ. Онѣ видѣли, что онъ разослалъ одѣяло на полу и такъ покоился въ прекраснѣйшемъ на свѣтѣ положеніи.

Гла-

Глава II.

Простодушный узнанъ своими родственниками.

Простодушный по обыкновенію своему проснулся съ солнцемъ при пѣніи пѣтуха, коего въ Англіи и Гуроніи называютъ *трубою дня.* Онъ былъ не таковъ, какъ честная компанія, которая валялась на праздной постелѣ до тѣхъ поръ, пока солнце половину пути своего совершило, которая не можетъ ни спать ни встать, которая теряетъ толико драгоцѣнныхъ часовъ въ семъ среднемъ между жизнію и смертію состояніи и которая жалуется еще, что жизнь очень кратка.

Онъ

Онъ уже прошелъ двѣ или три мили, убилъ тритцать дикихъ птицъ одной пулею, а возвратясь нашелъ Господина Настоятеля и скромную его сестру, еще прохаживающихся въ колпакахъ, по своему небольшому саду. Онъ имъ поднесъ всю свою добычу и вынулъ изъ запазухи нѣкоторой родъ *талисмана*, которой онъ всегда на своей шеѣ носилъ, просилъ ихъ оной принять въ знакъ благодарности за ихъ доброй прїемъ. Это всего у меня драгоцѣннѣе, сказалъ онъ имъ; меня увѣрили, что я всегда буду щастливъ, имѣя при себѣ сїю вещицу; и я вамъ ее даю, чтобъ вы такъ же всегда были щастливы.

Настоятель и дѣвица съ умиленїемъ улыбнулись, смотря на простосердечїе Простодушнаго. Сей подарокъ состоялъ въ двухъ малень-

леньких довольно худо написанных портретах, связанных вмѣстѣ очень толстым ремнем.

Дѣвица де Керкабон спросила у него есть ли в Гуронїи живописцы? Нѣт, сказал Простодушной; сїя рѣдкость досталась мнѣ от моей кормилицы; муж ея достал оную во время завоеванїя, ограбя нѣкоторых из Канады Французов, которые войну с нами имѣли; я больше об оном ничего не знаю.

Настоятель прилѣжно глядѣл на сїи портреты; цвѣт лица его перемѣнился, он смутился и руки его задрожали: клянусь тебѣ Горскою обителью, вскричал он обратясь к своей сестрѣ, что это живое лице моего брата, Капитана, и его жены! Дѣвица разсмотря их с таким же движенїем, была с ним одинакаго мнѣнїя.

Оба

Обѣ они были объяты удивленіемъ и радостію, растворенною прискорбіемъ; оба они смягчались нѣжностью; оба плакали; сердца ихъ трепетали; очи производили вопль, вырывали другъ у друга изъ рукъ портреты; каждый изъ нихъ бралъ оные и возвращалъ ихъ двадцать разъ въ одну минуту. Они пожирали глазами и портреты и Гурона; спрашивали одинъ послѣ другаго и оба однимъ разомъ: въ какомъ мѣстѣ; въ какое время; какимъ образомъ сіи миніатуры попались въ руки его мамки. Они разсуждали, щитали время съ тѣѣзда Капитана; вспомнили, что имѣли извѣстіе о томъ, что онъ былъ даже въ землѣ Гуроновъ, и что съ тѣхъ поръ ничего объ немъ больше никогда не слыхивали.

Простодушной сказалъ имъ, что онъ не запомнитъ ни отца

ни матери. Настоятель, какъ человѣкъ умный, примѣтилъ, что Простодушный имѣлъ небольшую бороду; ибо очень хорошо зналъ, что у Гуроновъ оной совсѣмъ нѣтъ. Подбородокъ у него пушистъ, и такъ онъ есть сынъ Европейскаго человѣка. Братъ мой и моя невѣстка не показывались болѣе послѣ похода противъ Гуроновъ въ 1669 году. Мой племянникъ долженъ быть тогда у груди; кормилица Гуронка спасла ему жизнь и была ему матерью. Наконецъ, послѣ ста вопросовъ и ста отвѣтовъ Настоятель и сестра его заключили, что Гуронъ былъ родной ихъ племянникъ. Они его обнимали проливая слезы; а Простодушной смѣялся не могши себѣ вообразить, чтобъ Гуронъ могъ быть племянникомъ Настоятелю, Нижнему-Бретанцу.

Всѣ

Всѣ пріятели съѣхались; Господинъ де Сентъ-Ивъ, которой былъ великой лицегадатель, сравнилъ оба портрета съ лицемъ Простодушнаго; онъ далъ имъ весьма искусно примѣтить, что племянникъ ихъ походитъ глазами на свою мать, лбомъ и носомъ на покойнаго Господина Капитана де Керкабона, а щеками на ихъ обѣихъ.

Дѣвица де Сентъ-Ива, которая никогда не видала ни отца ни матери, увѣряла что Простодушный совершенно на ихъ походитъ. Онѣ чудились провидѣнію и связѣ произшествій сего свѣта. Наконецъ такъ были удостовѣрены, и столь убѣждены о породѣ Простодушнаго, что и самъ онъ согласился быть племянникомъ Господина Аббата, сказывая, что онъ такъ же желаетъ его имѣть

мѣть своимъ дядею, какъ и кого другаго.

Хозяева и Гости несказанно радовались такому нечаянному благополучїю; а Гуронъ не помышляя объ сномъ ни мало, забавлялся между тѣмъ однимъ питьемъ.

Агличане, кои его привезли и кои были уже готовы поднять парусы, пришли сказать ему, что было время ѣхать. Видно, сказалъ онъ имъ, что вы не отыскали своихъ дядей и тетокъ; я остаюсь здѣсь, поѣзжайте опять въ Плимутъ; я вамъ отдаю весь свой скарбъ, и ни въ чемъ на свѣтѣ не имѣю уже нужды, понеже я племянникъ Аббатовъ. Агличане подняли парусы, очень мало заботясь, что Простодушный имѣлъ въ Нижней-Бретанїи родственниковъ, или нѣтъ.

ПослѢ того какЪ дядя, тетка и компанія благодарили судьбу, пославшую имЪ такого любезнаго племянника и гостя; послѢ того какЪ судья еще обезпокоивалЪ Простодушнаго вопросами; послѢ того какЪ истощили все, что удивленіе, радость и нѢжность могутЪ заставить сказать: Настоятель Горскій и АббатЪ де СентЪ-ИвЪ положили обратить вЪ свою вѢру Простодушнаго; но сіе не такЪ легко можно было учинить сЪ большимЪ двашцати двухЪ лѢтЪ ГурономЪ. Его надлежало прежде научить; и сіе казалось не малымЪ затрудненіемЪ, ибо АббатЪ де СентЪ-ИвЪ полагалЪ, что человѢкЪ, который не былЪ рожденЪ во Франціи, не имѢлЪ натуральнаго разсудка.

Настоятель далЪ компаніи примѢтить, что естьли вЪ самомЪ

момъ дѣлѣ Господинъ Простодушной, его племянникъ, не имѣлъ щастія родиться въ Нижней-Бретаніи, то отъ того не имѣлъ онъ менѣе разума; что отомъ можно будто судить, говорилъ онъ, по всѣмъ его отвѣтамъ, и что подлинно природа много ему благопріятствовала, какъ съ стороны отцовой, такъ и съ матерней.

Тотчасъ спросили у него, читалъ ли онъ когда какую нибудь книжку? Онъ отвѣчалъ имъ, что читалъ *Габелеса* переведеннаго по Аглински, и нѣкоторые сочиненіи Шакеспира, кои зналъ наизусть; что нашелъ сіи книжки у корабельщика, который привезъ его изъ Америки въ Плимутъ, и что онъ тѣмъ былъ весьма доволенъ. Судья не преминулъ спросить у него о сихъ книгахъ. Я вамъ признаюсь, сказалъ Простодушный,

ный, что отчасти чаялъ я нѣчто въ нихъ отгадать, и что достальнаго не разумѣлъ.

Аббатъ де Сентъ-Ивъ при сихъ словахъ учинилъ разсужденіе, что такимъ образомъ и самъ онъ всегда читывалъ, и что большая часть людей не иначе читаютъ. Вы безъ сомнѣнія читали В... сказалъ онъ Гурону. Совсѣмъ нѣтъ, Господинъ Аббатъ; ее не было между книгами у моего Корабельщика, и я никогда объ ней не слыхалъ. Вотъ каковы сіи проклятые Агличане, вскричала дѣвица де Керкабонъ; они болѣе дѣлаютъ уваженія Шакеспиру, Плюмбпудингу и бутылкѣ рума нежели сей книгѣ. Бѣдные Американцы! Проклятые Агличане! мы у нихъ возмемъ въ скоромъ времяни Ямайку и Виргинію.

Какъ

Какъ бы то ни было, призвали искуснѣйшаго портнаго изъ Сентъ-Мало, чтобъ одѣть Простодушнаго съ ногъ до головы. Компанія разошлась; Судья пошелъ дѣлать свои вопросы индѣ. Дѣвица де Сентъ-Ива отъѣзжая обращалась многократно, чтобъ поглядѣть на Простодушнаго; а онъ дѣлалъ ей такіи низкіе поклоны, каковыхъ никогда въ жизни своей никому еще не дѣлывалъ.

Судья прежде нежели откланялся, представилъ дѣвицѣ де Сентъ Ивѣ одного великаго глупца изъ своихъ сыновей, который выходилъ изъ училища; но она едва на него поглядѣла, толь была занята учтивостію Гурона.

Гла-

Глава III.

Гуронъ Обращенный.

Господинъ Настоятель видя себя уже нѣсколько въ лѣтахъ и благодаря небо, пославшее ему для утѣшенія племянника, положилъ себѣ въ голову, сдать ему по времяни свое мѣсто.

Простодушный имѣлъ изрядную память. Твердость Нижне-Бретанскихъ чувствъ укрѣпленная здоровымъ климатомъ Канадскимъ, здѣлала голову его толь крѣпкою, что когда по ней стучали, то онъ едва сіе чувствовалъ; и когда въ нее впечатлѣвали, то ничто не истреблялось и онъ никогда не позабывалъ ни чего. Понятіе его

пѣмъ было живѣе и чистѣе, что младость его совсѣмъ не была обременена ни какими безполезностями и дурачествами, отягощающими наши головы, и все у него въ мозгу впечатлѣвалось безъ помраченія. Настоятель рѣшился наконецъ дать ему читать N... T... Простодушный пожиралъ его съ великимъ удовольствіемъ; и хотя не зналъ заподлинно въ какое время, и въ какой землѣ всѣ произшествіи описанные въ сей книгѣ случились, однако не сумнѣвался, чтобъ все то не произходило въ Нижней - Бретаніи; и клялся, что онъ обрѣзалъ бы носъ и уши описываемымъ въ ней мучителямъ, еслибы они когда нибудь ему попались въ руки.

Дядя его плѣненный сими хорошими расположеніями, наставилъ его въ короткое время. Онъ

хва-

хвалилъ его ревность; но далъ ему знать, что оная безполезна, въ разсужденіи того, что сіи люди мертвы уже около тысячи семи сотъ девяноста лѣтъ. Простодушный скоро зналъ почти всю книгу наизусть. Онъ предлагалъ иногда затрудненіи, кои приводили Настоятеля въ великое безпокойство. Сей былъ принужденъ часто спрашиваться у Аббата де Сентъ-Ива, которой не зная что отвѣчать, призывалъ Езуита Нижняго-Бретанца, для окончанія Гуронова обращенія.

Гуронъ чтеніемъ книгъ и бесѣдою съ Аббатами и съ Езуитомъ становился время отъ времени просвѣщеннѣе: онъ находилъ въ ихъ книгахъ, въ рѣчахъ, да и въ самыхъ дѣлахъ, явное противорѣчіе. Имѣя натуральной разсудокъ и нѣсколько пріобрѣтеннаго знанія,

 нау-

научился онъ сравнивать справедливыя понятія съ ложными. Онъ спорилъ съ своими наставниками, ссылаясь всегда на книгу, которую подарилъ ему его дядя; притомъ возражалъ и опровергалъ всѣ ихъ предложеніи, кои надлежало ему испытать прежде извлеченія себя изъ невѣрія. Ему доказывали всячески, и онъ рѣшился слѣпо познать свое заблужденіе; что довольно рѣдко въ Европѣ для людей, кои спорятъ.

Наконецъ, когда Гуронъ казался быть съ ихъ увѣщаніями согласнымъ, старались они все учредить наивеликолѣпнѣйшимъ образомъ. Прелатъ прибылъ въ пышномъ экипажѣ со всею своею свитою. Дѣвица де Сентъ-Ива одѣлась въ прекраснѣйшее платье, призвавъ нарочно убиральщицу изъ Сентъ-Мало, чтобъ поблистать

въ

въ церемонїи. Дѣло только мѣшкалось за Гурономъ.

Дядя и тетка искали его повсюду. Думали, что онъ былъ на охотѣ по своему обыкновенїю; всѣ созванные на праздникъ, пробѣжали лѣса и деревни сосѣдніе; но не нашли Гурона.

Стали бояться, чтобъ не возвратился онъ въ Англїю. Вспомнили, что онъ сказывалъ что любилъ очень сїю землю. Господинъ Настоятель и сестра его были погружены въ отчаянїе и съ сожалѣнїя трепетали, чтобъ племянникъ ихъ не погибъ въ невѣрїи. Прелатъ былъ смущенъ, и готовился назадъ ѣхать; Настоятель и Аббатъ де Сентъ-Ивъ отчаявались; судья выспрашивалъ всѣхъ прохожихъ съ своею обыкновенною важностїю. Дѣвица де Керкабонъ плакала. Дѣвица де Сентъ-Ива

не

не плакала; но испускала глубокія воздыханія, кои казалось изъявляли особливую ея склонность къ Гурону. Всѣ печально прохаживались подлѣ ивъ и тростника, растущихъ по берегу маленькой рѣки *Ранси*, и вдругъ увидѣли его тутъ въ тростникѣ сидящаго.

Настоятель и Аббатъ прибѣжавъ, спрашивали у Простодушнаго, что онъ тутъ дѣлаетъ? Ахъ! Государи мои, я васъ ожидаю. Дѣвица де Керкабонъ, Дѣвица де Сентъ-Ива и распросный судья туда же тѣснились. Мущины любопытствовали знать о причинѣ его ухода и разсказывали ему, какъ они были тѣмъ встревожены; а женщины молчали и любовались, глядя на него, какъ сидѣлъ онъ въ водѣ въ натуральномъ прелестнѣйшемъ положеніи. Первые понуждали его скорѣе одѣться, а послѣд-

нія

нія сердечно желали, чтобЪ онЪ еще остался хотя мало вЪ такомЪ натуральномЪ состояніи. Одной изЪ нихЪ казался ГуронЪ лицемЪ прекрасенЪ, другая любовалась его станомЪ, иныя находили пріятность вЪ его глазахЪ, другимЪ нравилась его мужественность; всѢхЪ глаза были на него устремлены, всѢхЪ мысли и сердца были имЪ заняты.

НаконецЪ ГуронЪ одѢлся, и все собраніе отправилось на мѢсто, гдѢ надлежало совершиться обряду его обращенія.

Гуроново обращеніе было послѢдуемо великолѢпнымЪ пиршествомЪ. за столомЪ разговаривали о силѢ и дѢйствіи вина: всѢ гости старались испытать дѢйствительную силу онаго. ГуронЪ отЪ нихЪ не отставалЪ. ОнЪ пилЪ за здоровье всѢхЪ гостей, и больше

дѣлалъ сїю честь дѣвицѣ де Сентъ-Ивѣ. Натуральная его горячность становилась отъ того живѣе. Вопросительной судья говорилъ безумолкно и дѣлалъ отважнѣйшїе вопросы. Аббаты рѣшили оныя глупѣйшимъ образомъ; а женщины любовались одною живостїю и простосердечїемъ Гуроновымъ.

Глава IV.

Простодушный влюбленный.

Надобно признаться, что со времяни сего пиршества дѣвица де Сентъ-Ива желала страстно всегда быть на единѣ съ Господиномъ Простодушнымъ *Геркулесомъ*: такъ названъ Гуронъ по ево обращенїи, имѣть съ нимъ бесѣду и пользоваться его простосердечїемъ; но какъ была она хорошо воспитана, и весьма цѣломудренна, то никакъ не смѣла согласиться сама съ собою на свои нѣжные чувствованїи; естьлиже случалось ей нечаянно вскинуть взглядъ, вымолвить слово, здѣлать знакъ, или открыть мысль,

то все сіе закрывала она покровомъ любезнѣйшей стыдливости. Она была нѣжна, жива и разумна.

Однимъ днемъ Простодушный и дѣвица де Сентъ-Ива встрѣтилися, неразсуждая о томъ, что они другъ друга ищутъ. Они между собою разговаривали не вымышляя, что другъ другу сказать. Простодушной тотчасъ сказалъ ей, что онъ ее любитъ отъ всего своего сердца, и что прекрасная *Абакаба*, которую въ своей землѣ любилъ онъ до безумія, не была ей подобна. Дѣвица отвѣчала ему съ своею обыкновенною скромностію, что надлежало о томъ не мѣшкая поговорить съ Господиномъ Настоятелемъ, его дядею, и съ дѣвицею, его теткою; что она съ своей стороны, скажетъ о томъ же слова два, своему любезному Брату Аббату де сентъ-Иву, и ласкается конечъ-

конечно получить на то общее согласїе.

Простодушный отвѣчалъ ей, что онъ не имѣетъ нужды ни въ чьемъ согласїи; что ему кажется чрезвычайно смѣшно итти спрашивать у другихъ о томъ, что надлежало ему дѣлать; что когда двѣ стороны согласны, то нѣтъ надобности въ третей для соглашенїя ихъ. Я ни съ кѣмъ не совѣтую, сказалъ онъ, когда хочу завтракать, или итти на охоту, либо спать; я довольно знаю, что въ любви не худо имѣть согласїе той особы, которую любишь; но какъ я не влюбился ни въ своего дядю, ни въ тетку, то и нѣтъ нужды предлагать имъ о семъ дѣлѣ; и если вы мнѣ вѣрите, то равномѣрно можете въ томъ обойтись безъ вашего Господина Аббата де Сентъ-Ива.

Можно судить, что прекрасная Бретанка употребила все искусство своего разума, на приведенiе своего Гурона къ словамъ благопристойности. Она даже разсердилась, но скоро опять смягчилась. Наконецъ неизвѣстно, какъ бы кончилась сiя бесѣда, естли бы Господинъ Аббатъ по причинѣ смеркающагося дня, не увезъ сестру свою въ свое Игуменство. Простодушный оставилъ лечь спать своего дядю и свою тетку, кои нѣсколько были утомлены отъ церемонiи и отъ долгаго обѣда. Онъ проводилъ часть ночи въ дѣланiи стиховъ на Гуронскомъ языкѣ, для своей возлюбленной; ибо надобно знать, что нѣтъ ни какой страны на землѣ, гдѣ бы любовь не дѣлала любовниковъ стихотворцами.

На другой день послѣ завтрака, дядя его говорилъ ему такимъ обра-

образомъ, въ присудствіи дѣвицы де Керкабонъ, которая наполнена была нѣжными чувствованіями: Слава Богу, любезной племянникъ, что ты теперь здѣлался правовѣрнымъ и имѣешъ честь быть Нижнимъ Бретанцемъ; но сего не довольно; я нѣсколько въ лѣтахъ; братъ мой, а твой отецъ, оставилъ только не большой уголокъ земли, которая составляетъ весьма бѣдное наслѣдіе; я имѣю изрядную обитель; естли только ты желаешъ здѣлаться поддіякономъ, какъ я и уповаю, то я сдамъ тебѣ свою обитель, и ты будетъ жить весьма спокойно, послужа утѣшеніемъ моей старости.

Простодушной отвѣчалъ: дай богъ, чтобъ вы дядюшка, были здоровы и жили бы сколько возможно долѣе; я не знаю, что такое значитъ *Поддіаконъ* и что такое

сдать;

сдать; но я предоволенъ буду моимъ состоянїемъ, лишь бы только дѣвица де Сентъ - Ива была въ моей власти. Ахъ! праведное небо, что ты говоришь, мой племяникъ? по этому ты любишь сїю прекрасную дѣвицу до безумїя? — да, дядюшка. — Ахъ! племянникъ мой; тебѣ не возможно на ней жениться. — Напротивъ того очень можно, дядюшка; ибо не только пожала она у меня руку раставаясь сомною, но и обѣщала потребовать меня въ супружество, и я на ней дѣйствительно женюсь. — Этого здѣлать не возможно, я вамъ говорю; она ваша . . . . Ба! мой дядюшка, вы надо мною смѣетесь; для чего было бы запрещено на ней жениться; она молода и пригожа? я совсѣмъ не видалъ въ книгѣ, которую вы мнѣ дали, чтобъ было грѣшно жениться на дѣвицѣ, которая

нра-

нравится. Я всякой день вижу, что здѣсь множество дѣлаютъ такихъ вещей, коихъ совсѣмъ нѣтъ въ вашей книгѣ, и что ни чего того недѣлаютъ, что въ ней предписано. Я вамъ признаюсь, что это меня удивляетъ и опечаливаетъ. Естли меня лишатъ прекрасной Сентъ-Ивы, то я васъ предваряю, что я ее увезу и все брошу.

Настоятель былъ смущенъ; и сестра его плакала. Мой любезный братъ, сказала она; не надобно, чтобъ нашъ племянникъ погубилъ себя; нашъ св: отецъ Папа можетъ ему дать разрѣшенїе, и тогда можетъ онъ быть благополучнымъ съ тою, которую любитъ. Простодушный обнялъ свою тетку. Какой же это, говоритъ онъ, прелестной человѣкъ, который съ толикою милостїю спомоществуетъ молодцамъ и дѣвицамъ въ ихъ

любви? я хочу поговорить съ нимъ сей часъ.

Ему изъяснили, что такое былъ Папа и простодушный еще болѣе былъ удивленъ. нежели сперва. Ни одного слова обо всемъ томъ нѣтъ въ вашей книгѣ, мой любезный дядюшка; я путешествовалъ, знаю море; мы здѣсь на берегу океана, и я долженъ оставить дѣвицу де Сентъ-Иву и ѣхать просить дозволенія любить ее, у человѣка, который живетъ близъ средиземнаго моря, за четыреста миль отсюда, и которой говоритъ языкомъ, коего я совсѣмъ неразумѣю! Это достойно неудобо-понятнаго посмѣянія. Я пойду сей часъ къ господину Аббату де Сентъ-Иву, который живетъ отъ васъ только за одну милю; и увѣряю васъ, что женюсь на своей любовницѣ въ одинъ день.

Во время сего разговора вошелъ окружный судья, которой по своему обыкновенїю, спросилъ его, куда онъ идетъ? Я иду жениться, сказалъ Простодушный бѣгучи; и въ четверть часа былъ уже онъ у своей прекрасной и любезной Нижней-Бретанки, которая еще спала. Ахъ! Братецъ мой, сказала дѣвица де Керкабонъ Настоятелю, никогда не здѣлаете вы поддїякона съ нашего племянника.

Судья былъ очень недоволенъ симъ путешествїемъ; ибо онъ хотѣлъ, чтобъ сынъ его на Сентъ-Ивѣ женился; а сей сынъ былъ еще глупѣе и несноснѣе своего отца.

Гла-

Глава V.

Простодушный бѣжитъ къ своей любовницѣ, и приходитъ въ бѣшенство.

Едва лишь Простодушный пришелъ, тотчасъ спросилъ у служащей старухи, гдѣ была комната ея госпожи; Онъ толкнулъ сильно, худо затворенную дверь и бросился къ постелѣ. Дѣвица де Сентъ-Ива вдругъ пробудясь закричала: Какъ! это вы! Ахъ! это вы! перестаньте, что вы дѣлаете? Онъ отвѣчалъ: я на васъ женюсь; и онъ бы на ней въ самой дѣлѣ женился, естли бы она не воспротивилась совсею честностїю дѣвицы хорошо воспитанной.

Про-

Простодушный не разумѣлъ шутки: онъ находилъ всѣ сіи жеманства чрезвычайно грубыми. Моя первая любовница *Аббакаба*, сказалъ онъ, не такъ со мною поступала. Вы совсѣмъ не имѣете честности; вы обѣщали быть моею женою а теперь отъ того отрекаетесь; такимъ поступкомъ нарушаете вы первоначальные законы чести; я васъ научу держать свое слово, и васъ обращу на путь добродѣтели.

Простодушный обладалъ мужественною и неустрашимою силою, достойною своего Патрона Геркулеса; онъ хотѣлъ было употребить оную во всемъ ея пространствѣ, какъ на пронзительной вопль дѣвицы, болѣе по наружности добродѣтельной, прибѣжалъ премудрый Аббатъ де Сентъ-Ивъ съ своею управительницею, и съ

старымъ набожнымъ слугою; видѣнїе сїе умѣрило храбрость нападающаго. Ахъ! любезной мой сосѣдъ, сказалъ ему Аббатъ, что вы тутъ дѣлаете? — то что должно, отвѣчалъ молодой человѣкъ; я исполняю свои обѣщанїи, кои суть священны.

Дѣвица де Сентъ-Ива оправлялась краснѣя. Простодушнаго отвели въ другїе покои. Аббатъ представилъ ему о мерзости поступка. Простодушный защищался преимуществами естественнаго закона, кои зналъ онъ совершенно. Аббатъ хотѣлъ ему доказать, что изданное узаконенїе долженствовало имѣть всякую выгоду, и что безъ соглашенїй учиненныхъ между человѣками, законъ естественной не что иное былъ бы почти всегда, какъ токмо естественное разбойничество. Надобны, сказалъ

онъ

онѣ ему, нотаріусы, священники, свидѣтели, договоры, разрѣшенія. Простодушный отвѣчалѣ ему по разсужденію, свойственному дикому человѣку: по этому вы очень нечестные люди, когда потребны между вами толикіе предосторожности.

Аббату мудрено было рѣшить такое заключеніе дикаго. Есть, говоритѣ онѣ, много между нами непостоянныхѣ и бездѣльниковѣ, я вѣ томѣ признаюсь; но неменьше бы оныхѣ было и у Гуроновѣ, если бы они были собраны вѣ одинѣ городѣ; но есть такѣ же души разумные, честные, просвѣщенные; и сіи люди установили законы. Чѣмѣ добродѣтельнѣе человѣкѣ, тѣмѣ паче долженствуетѣ онѣ себя онымѣ покарять; онѣ подаетѣ собою примѣрѣ порочнымѣ, почитающимѣ обузданіе, кое добродѣтель сама для себя опредѣлила.

Отвѣтъ сей поразилъ Простодушнаго. Уже примѣтили, что онъ имѣлъ справедливой разумъ. Его успокоили ласкательными словами, ему подали надежду; это суть двѣ сѣти, коими человѣки двухъ половинъ шара земнаго уловляются: представили ему такъ же и дѣвицу де Сентъ-Иву, когда она одѣлась. Все произходило съ величайшею благопристойностїю. Но не взирая на сїю благопристойность, сверкающїе глаза Простодушнаго Геркулеса, заставляли всегда любовницу его потуплять свои, и трепетать компанїю.

Чрезвычайнаго стоило труда уговорить его, чтобъ онъ шелъ къ своимъ родственникамъ. Еще надлежало употребить довѣренность прекрасныя Сентъ-Ивы; а чемъ болѣе чувствовала она власть свою надъ нимъ, тѣмъ паче его люби-

любила. Она его уговорила возвратиться въ домъ къ его родственникамъ, и была тѣмъ крайне опечалена; наконецъ когда отправился онъ, то Аббатъ, которой не только былъ многими годами старшій братъ Дѣвицы де Сентъ-Ивы, но былъ такъ же у нее и опекуномъ, принялъ намѣреніе скрыть свою воспитанницу отъ домогательства сего страшнаго любовника. Онъ пошелъ переговорить съ окружнымъ судьею, который назкача давно своего сына въ супруги сестрѣ Аббата, совѣтовалъ ему отдать бѣдную дѣвицу въ монастырь. Это былъ ужасной ударъ. Безпристрастная, отданная въ монастырь, подняла бы преужасной вопль; но любовница, и любовница толико разумная, колико нѣжная, имѣла тѣмъ большую причину быть повержена въ отчаяніе.

Простодушный возвратясь къ Настоятелю, расказалъ все ему съ своею обыкновенною откровенностiю. Онъ вытерпѣлъ и отъ него токовые же увѣщанiи, кои произвели нѣкоторое дѣйствiе въ его разумѣ и ни какого надъ его чувствами; но надругой день, когда хотѣлъ онъ опять итти къ своей прекрасной любовницѣ поговорить съ нею о естественномъ законѣ и о законѣ соглашенiя, то Господинъ судья увѣдомилъ его съ досадительною радостiю, что она была уже въ монастырѣ. Ну, сказалъ онъ, такъ я пойду разсуждать къ ней въ монастырь. Этого здѣлать не льзя, сказалъ судья; онъ ему изъяснилъ весьма пространно, что такое былъ монастырь, или *Конвентъ*; что сiе слово происходило отъ Латынскаго *Конвентусъ*, кое значитъ собранiе; Гуронъ однако

же

же не могЪ понять для чего не могЪ онЪ быть допущенЪ вЪ собраніе. Но какЪ скоро узналЪ, что сіе собраніе было родЪ тюрьмы, гдѢ вЪ заперти содержатЪ дѢвицЪ, обыкновеніе ужасное, неизвѢстное у ГуроновЪ и АгличанЪ, то пришелЪ отЪ того вЪ такое бѢшенство, вЪ какомЪ былЪ нѢкогда патронЪ его ГеркулесЪ, когда *Еврить* Король Эхаліійскій, не менѢе Аббата де СентЪ-Ива жестокосердый, отказалЪ выдать за него дочь свою Іоле, которая столькоже была прекрасна, какЪ Аббатова сестра. ОнЪ хотѢлЪ итти зажечь монастырь, похитить свою любовницу, либо сгорѢть сЪ нею. Устрашенная тѢмЪ дѢвица де КеркабонЪ теряла болѢе прежняго всю надежду видѢть своего племянника поддіакономЪ, и сказывала плачучи, что вЪ тѢлѢ его поселился діаволЪ.

Глава VI

Простодушный прогоняетъ Агличанъ.

Простодушный, погруженный въ мрачное и глубокое унынiе, прохаживался около морскаго берега, имѣя на плечѣ двуствольное ружье, съ боку большую шпагу, стрѣляя отъ времени до времяни по нѣкоторымъ птицамъ, и часто покушаясь выстрѣлить на самаго себя; но какъ онъ еще любилъ жизнь ради дѣвицы де Сентъ-Ивы, то проклиналъ онъ своего дядю, свою тетку, всю Нижнюю-бретанiю и самаго себя; то доброжелательствовалъ имъ, поелику они ему доставили знакомство съ особою,

ко-

которую онъ любитъ. Онъ принималъ намѣренїе итти сжечь монастырь, и вдругъ останавливался боясь, чтобъ не сжечь своей прекрасной Сентъ-Ивы. Волны морскаго залива не были сыльнѣе обуреваемы восточнымъ и западнымъ вѣтрами, какъ сердце его было тогда колеблемо множествомъ сопротивныхъ движенїй.

Онъ шелъ скорыми шагами не зная куда; и вдругъ услышалъ барабанной бой. Онъ увидѣлъ издали великое множество народа, изъ коего одна часть бѣжала къ берегу, а другая прочь отъ онаго удалялась.

Тысяча воплей подымается со всѣхъ сторонъ; любопытство и неустрашимость влекли его немедлѣнно къ той странѣ, гдѣ происходилъ сей крикъ; онъ туда летитъ стремглавъ. Начальникъ земскаго войска, который ужиналъ

съ нимъ у Настоятеля, тотчасъ его узналъ; онъ бѣжитъ къ нему съ распростертыми руками: Ахъ! это Простодушный; онъ за насъ будетъ сражаться. Войска, пораженные смертельнымъ страхомъ, ободрились и кричали такъ же: это Простодушный, это Простодушный!

Государи мои, говоритъ онъ, въ чемъ дѣло состоитъ? отъ чего вы такъ испуганы? не отдалиль вашихъ любовницъ въ монастырь? Тогда множество смѣшеныхъ голосовъ закричали: видите ли Аглицанъ, кои сюда подъѣзжаютъ? чтожъ? отвѣчалъ Гуронъ; это люди добрые; они мнѣ ни когда не предлагали, чтобъ я здѣлался поддіакономъ; и не похитили у меня моей любовницы.

Начальникъ далъ ему разумѣть, что Аглицане пріѣхали разграбить

Гор-

Горскую обитель, выпить вино его дяди, и может быть похитить дѣвицу де Сентъ-Иву; что небольшое судно, на коемъ приплылъ онъ въ Бретанію, пріѣзжало единственно для обозрѣнія берега; что они употребляли непріятельскіе поступки, не объявивъ войны Королю Французскому, и что провинція была въ опасности. Ахъ! Если это такъ, то они нарушаютъ Естественной законъ; оставьте мнѣ сіе дѣло; я жилъ между ими долгое время; знаю ихъ языкъ; оставьте меня съ ними поговорить; я не думаю, чтобъ они имѣли толь злое намѣреніе.

Во время сего разговора, Аглинская Эскадра приближилась; Гуронъ тотчасъ бѣжитъ къ ней, бросается въ маленькую лотку, подъѣзжаетъ, всходитъ на корабль Адмиральской и спрашиваетъ: правда ли

что они хотятъ раззорить провинцїю, не обЪявивЪ войны честно. АдмиралЪ и всѢ тамо бывшїе подняли превеликой смѢхЪ, напоили его пуншомЪ и отпустили.

Простодушный досадуя на нихЪ, ни очемЪ болѢе недумалЪ, какЪ только о томЪ, чтобЪ здѢлать хорошей отпорЪ своимЪ старымЪ прїятелямЪ, за своихЪ единоземцовЪ и за Господина Настоятеля. СосѢдственные дворяне совсѢхЪ сторонЪ сбѢжались; они съ нимЪ соединяются; у нихЪ было нѢсколько пушекЪ, онЪ ихЪ заряжаетЪ, наводитЪ и стреляетЪ по АгличанамЪ. Агличане выходятЪ изЪ судовЪ. ОнЪ кЪ нимЪ бѢжитЪ, убиваетЪ трехЪ АгличанЪ своею рукою, и ранитЪ Адмирала, которой надЪ нимЪ смѢялся. Мужество его возбуждаетЪ храбрость во всемЪ войскѢ: Агличане уходятЪ на суда, и

весь

весь берегЪ гремѢлЪ восклицанiями побѢды: *да здравствуетъ король, да здравствуетъ Простодушный.* ВсякЪ обнимаетЪ его, всякЪ старается остановить кровь текущую изЪ легкихЪ ранЪ, кои онЪ получилЪ. АхЪ! сказалЪ онЪ, естлибы дѢвица де СентЪ-Ива тутЪ была, она бы мнѢ перевязала раны.

Окружный судья, который во время сраженiя скрывался вЪ своемЪ погребу, пришелЪ поздравить его такЪ, какЪ и другiе. Но онЪ былЪ крайне изумленЪ услыша предложенiя отЪ Простодушнаго Геркулеса, двенадцати молодымЪ человѢкамЪ, вольнослужащимЪ дворянамЪ, коими былЪ онЪ окруженЪ: Друзья мои, сказалЪ онЪ имЪ, мы избавили Горское аббатство отЪ непрiятелей, это ни чего незначитЪ. Теперь надобно намЪ освободить дѢвицу. При сихЪ словахЪ

серд-

сердца молодыхъ людей воспламенились. Уже слѣдовали за нимъ толпою, бѣжали къ монастырю. Если бы судья не предуспѣлъ завременно увѣдомить коменданта, естли бы не удержали сего войска весельчаковъ, то дѣло было бы совершено. Простодушнаго отвели къ его дядѣ и теткѣ, кои отъ горячей любви орошали его слезами.

Я довольно вижу, что вы не будете ни когда ни поддїакономъ, ни Аббатомъ, сказалъ ему дядя: вы будете офицеромъ храбрѣйшимъ, нежели былъ мой братъ Капитанъ, и чаятельно такой же бѣднякъ; а дѣвица де Керкабонъ безпрестанно плакала обнимая его и говоря: онъ будетъ убитъ такъ какъ мой братъ; гораздо было бы лучше, еслибъ онъ былъ поддїакономъ.

Простодушной на сраженїи поднялъ болшой кошелекъ, наполненной

гви-

гвинеями, который уповательно, АдмиралЪ обронилЪ. ОнЪ не сумнѣвался, чтобЪ на сїи деньги нельзя было ему купить всей нижней-Бретанїи, а особливо здѣлать дѣвицу де СентЪ-Иву великою Госпожею. ВсякЪ уговаривалЪ его ѣхать вЪ Версалїю для полученїя тамЪ награжденїя за свои заслуги. КомендантЪ и главные офицеры надавали ему письменныхЪ свидѣтельствЪ. Дядя и тетка одобрили поѣздку своего племянника. Его надлежало, по мнѣнїю ихЪ, представить непремѣнно Королю. ОднимЪ такимЪ случаемЪ прославился бы онЪ вЪ цѣлой провинцїи. Добродушные его родственники надѣлили его кромѣ аглинскаго кошелька знатною суммою денегЪ. Простодушный помышлялЪ самЪ вЪ себѣ: Когда увижу я Короля, то и спрошу у него дѣвицу де СентЪ-Иву вЪ супру-

супружество, и онъ дѣйствительно въ томъ мнѣ не откажетъ. И такъ отправился онъ при восклицанiяхъ всего округа, задушенъ объятiями, орошенъ слезами своея тетки, благословенъ своимъ дядею, и препоручая себя прекрасной Сентъ-Ивѣ.

Гла-

Глава VII.

Простодушной ѣдетъ ко двору. Онъ ужинаетъ въ пути съ Гугенотами.

Простодушной отправился по Сомюрской дорогѣ на почтовой телѣгѣ, по елику не было тогда лучшихъ повозокъ. По пріѣздѣ въ *Сомюръ* удивился онъ нашедши городъ почти пустой и видя многіе семьи оставляющія оной. Ему сказали; что за шесть лѣтъ предъ тѣмъ *Сомюръ* содержалъ въ себѣ болѣе пятнатцати тысячь душъ, и что теперь нѣтъ въ немъ и шести тысячь. Онъ не преминулъ го-

ворить о томъ за ужиномъ въ своей гостинницѣ. Многіе протестанты были за столомъ. Одни жаловалися сильно, другіе трепетали отъ сердца, а протчіе сказывали плачучи: Nos dulcia linquimus arva, nos patriam fugimus. Простодушный, который не зналъ языка Латинскаго, просилъ изъяснить ему сіи слова, кои значатъ: *мы оставляемъ свои пріятные поля, удаляемся изъ своего отечества.*

Для чегоже вы, Государи мои, удаляетесь изъ своего отечества? Для того, что хотятъ, чтобъ мы признавали Папу. За чемъ же вы его не признаете; конечно у васъ нѣтъ такихъ дѣвицъ, на коихъ бы онъ вамъ могъ позволить жениться? ибо мнѣ сказывали, что онъ даетъ на вре разрѣшеніе. Ахъ! Государь мой, сей Папа присвояетъ

се-

себѢ обладательство надЪ всею вселенною! . . . . . Но, Государи мои, какого вы званія? . . . Мы, Государь мой, по большой части суконщики и фабриканты . . . Если вашЪ Папа говоритЪ, что онЪ хозяинЪ вашихЪ суконЪ и вашихЪ фабрикЪ, то вы очень хорошо дѢлаете, что его не признаете; но что касается до присвоенія имЪ обладательства надЪ всею вселенною, то вЪ такое дѢло вступать вамЪ нѢтЪ нужды. ВеликимЪ замысламЪ потребны великія сопротивленія. Тогда малорослый черный человѢкЪ вступилЪ вЪ разговорЪ и объяснилЪ весьма умно жалобы компаніи. ОнЪ говорилЪ объ отрѢшеніи закона города *Нантеса*, сЪ толикою силою, оплакивалЪ толь жалостнымЪ образомЪ жребій пятидесяти тысячь бѢжавшихЪ фамилій,

лій, и пятидесяти тысячь другихЪ драгунами обращенныхЪ, что Простодушной вЪ свою очередь пролилЪ слезы. ОтЪ чего происходитЪ, спросилЪ онЪ, что толь великій Государь, коего слава простирается даже до ГуроновЪ, лишаетЪ себя такимЪ образомЪ толикихЪ сердецЪ, кои любили бы его, и толикихЪ рукЪ, кои бы ему служили?

ОтЪ того, что его обманули, такЪ какЪ и другихЪ обманываютЪ, отвѣчалЪ черный человѣкЪ. Его увѣрили, что какЪ скоро онЪ скажетЪ слово, то всѣ люди будутЪ думать сЪ нимЪ одинаково, и что можетЪ насЪ заставить перемѣнить законЪ такЪ, какЪ его сочинитель музики Г. *Люлли* перемѣняетЪ вЪ одну минуту украшенія своихЪ оперЪ. Уже онЪ не толь-

ко теряешъ пять, или шесть сотъ тысячь весьма полезныхъ подданныхъ, но дѣлаетъ ихъ своими непрїятелями; и Король *Вильгельмъ* повелитель Англїи, составилъ многїе полки изъ сихъ самыхъ Французовъ, кои сражалися бы за своего монарха.

Такое злощастїе тѣмъ паче удивительно, что царствующїй Папа, коему Людвигъ XIV жертвуетъ частїю своего народа, есть открытый его врагъ; и оба они уже лѣтъ съ девять имѣютъ между собою жестокую ссору. Она была толь далеко простерта, что Францїя надѣялась наконецъ расторгнуть иго, порабощающее ее толико вѣковъ сему чужестранцу, а особливо, не платить ему больше денегъ, кои суть главною пружиною приво-

дящею вЪ дѣйствіе дѣла сего свѣта. И такЪ кажется ясно, что сего великаго Государя обманули вЪ его пользахЪ такЪ какЪ и вЪ пространствѣ его могущества, и что причинили вредЪ великодушію его сердца.

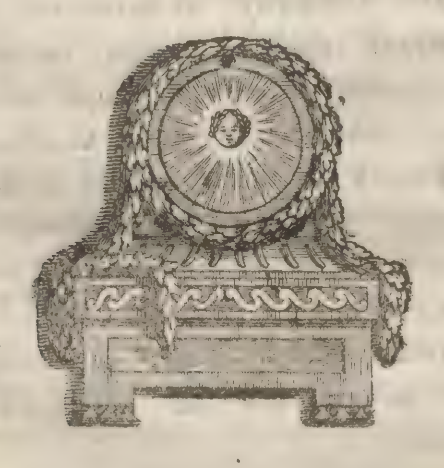
Простодушный чувствуя часЪ отЪ часу больше сожалѣнія, спросилЪ, кто такіе были тѣ Французы, кои обманули монарха толь любезнаго ГуронамЪ? Езуиты, отвѣтствовано ему, а паче всѣхЪ отецЪ *де ла-Шезъ.* Надобно уповать, что они будутЪ за то когда нибудь наказаны и такЪ изгнаны, какЪ они насЪ прогоняютЪ. Естьли нещастіе подобное нашему? ГосподинЪ *де Лувуа* насылаетЪ кЪ намЪ совсѣхЪ сторонЪ ЕзуитовЪ и драгуновЪ.

Из-

Изрядно, Государи мои, сказалъ имъ Простодушный, которой не могъ болѣе удержаться; я ѣду въ Версалїю получить должное награжденїе за свои заслуги, и поговорю съ симъ Господиномъ *де Лувуа*; мнѣ сказывали, что онъ ворочаетъ всѣми его кабинетными дѣлами. Я увижу Короля и обьясню ему всю истинну: не возможно отвергнуть справедливости, когда ее кто чувствуетъ. Я скоро назадъ прїѣду, чтобъ жениться на дѣвицѣ де Сентъ-Ивѣ, и прошу васъ на свадьбу. Сїи простосердечные люди почли его за знатнаго Господина, который скрытно путешествуетъ на телѣгѣ; а нѣкоторые почли его за королевскаго шута.

За столомъ былъ одинъ переодѣтой Езуитъ, который служилъ

жилъ почтеному отцу де ла-Шезу шпiономъ. Онъ давалъ ему отчетъ обо всемъ, а отецъ де ла-Шезъ увѣдомлялъ о томъ Господина *де Лувуа*. Шпiонъ написалъ. Простодушный и письмо прибыли почти въ одно время въ Версалiю.

Гла-

Глава VIII.

Прїездъ Простодушнаго въ Версалїю. Принятїе его при дворѣ.

Простодушный пристаетъ въ Поде-Шамбрѣ (урыльникѣ *) на дворѣ поваренъ. Онъ спрашиваетъ у носильщиковъ, въ которомъ часу можно видѣть Короля? Носильщики смѣются ему въ глаза, такъ какъ Аглинской Адмиралъ. Онъ и съ ними такъ же поступилъ, ихъ прибилъ, а они отбоемъ къ нему присту-

 пали;

(*) Такъ называется повозка отправляющаяся изъ Парижа въ Версалїю, которая походитъ на покрытую телѣжку.

пали; и дѣйствїе было бы кровопролитное, естьли бы не прошелъ мимо тѣлохранитель, дворянинъ Бретанской, которой разогналъ сїю подлость. Государь мой, говоритъ ему путешественникъ, вы мнѣ кажетесь добрымъ человѣкомъ; я племянникъ господина настоятеля Горскїя обители, я побилъ Агличанъ и прїѣхалъ сюда поговорить съ Королемъ. . . . Прошу отвесть меня въ его комнату. Тѣлохранитель обрадованный, что нашелъ храбреца изъ своей провинцїи, который казался незнающимъ придворныхъ обыкновенїй, увѣдомилъ его, что такимъ образомъ не говорятъ съ Королемъ, и что надлежитъ прежде быть представлену отъ господина де-Лувуа. . . . . . Ну, ведите же меня къ сему господину де Лувуа, который безъ сумнѣнїя препроводитъ меня къ Его Ве-

Величеству. Еще труднѣе, отвѣчалъ тѣлохранитель, говорить съ господиномъ де Лувуа, нежели съ Его Величествомъ; но я васъ провожу къ господину Александру первому военному комисару; это все равно, съ нимъ ли или съ министромъ вы будете говорить. И такъ оба они пошли къ господину Александру первому комисару и немогли быть ему представлены; онъ былъ занятъ дѣломъ съ придворною госпожею, и невелѣно никого впускать. Такъ и быть, сказалъ тѣлохранитель, это не мѣшаетъ, пойдемъ къ перьвому коммисару господина Александра; это будетъ все равно какъ бы вы говорили съ самимъ господиномъ Александромъ.

Гуронъ до чрезвычайности удивленный, слѣдуетъ за нимъ; они стоятъ вмѣстѣ съ полчаса въ малень-

леиькой передней. Чтожъ будетъ изъ всего этого? говорилъ Простодушный, развѣ всѣ невидимы въ сей странѣ? Гораздо легче биться въ нижней Бретаніи противъ Агличанъ нежели увидѣться въ Версаліи съ людьми, къ коимъ дѣло имѣешь. Онъ разгонялъ свою скуку расказывая своему земляку о своей любви. Но ужаснѣйшій часъ позвалъ тѣлохранителя къ его мѣсту. Они дали слово другъ другу на другой день увидѣться. Простодушной остался еще другіе полчаса въ передней задумавшись о дѣвицѣ де Сентъ Ивѣ, и о трудности говорить съ Королями и съ первыми коммисарами.

Наконецъ благодѣтель показался. Государь мой, говорилъ ему Простодушный, если бы я медлилъ такъ долгое время прогнать Агличанъ, какъ медлю здѣсь ожидая отъ васъ моей Аудіенціи, то они дѣйстви-

ствительно опустошилибы всю нижнюю Бретанію. Сіи слова поразили коммисара. Онъ спросилъ наконецъ Бретанца: чего вы требуете? Награжденія, сказалъ онъ; вотъ мои доказательства; онъ показалъ ему всѣ свои писменные свидѣтельства. Коммисаръ прочитавъ сказалъ ему, что по видимому дозволятъ вамъ купить порутчичей чинъ. Мнѣ! мнѣ платить деньги за то, что я прогналъ Агличанъ? Съ меня брать пошлину за то, что я подвергалъ себя смерти за васъ тогда, когда вы даете здѣсь спокойно свои аудіенціи? Мнѣ кажется, вы изволите надо мною смѣяться. Я хочу имѣть эскадронъ конницы даромъ. Хочу чтобъ Король приказалъ выпустить дѣвицу де Сентъ-Иву изъ монастыря, и чтобъ онъ мнѣ далъ ее въ супружество. Хочу поговорить Королю въ пользу пятидесяти тысячь семей,

мей, кои думаю ему возвратить во владѣніе. Словомъ я хочу быть полезнымъ; пускай опредѣлятъ меня къ мѣсту и дадутъ мнѣ чинъ.

Какъ вы называетесь, государь мой, и кто вы таковы, что такъ смѣло говорите? О! о! отвѣчалъ Простодушный, по этому вы не читали моихъ свидѣтельствъ? Такъ ли ихъ употребляютъ? Я называюсь *Геркулесъ де Керкабонъ*, живу въ постояломъ домѣ подъ знакомъ голубымъ и буду на васъ жаловаться Королю. Коммисаръ заключилъ такъ какъ люди изъ Сомюра, что у него голова не очень была здорова, и не думалъ о томъ много.

Въ тотъ самой день почтенной отецъ Дела Шезъ духовникъ Людвига XIV, получилъ письмо отъ своего лазутчика, которой доносилъ на Бретанца Керкабона, якобы онъ благопріятствуетъ въ сердцѣ своемъ

Гуге-

Гугенотамъ и порочитъ поведенïе Езуитовъ. Господинъ де-Лувуа, съ своей стороны, такъ же получилъ письмо отъ вопросительнаго окружнаго судьи, который описывалъ Простодушнаго какъ повѣсу, который хотѣлъ сжечь монастырь и похитить дѣвицъ.

Простодушный проходившись по садамъ Версальскимъ, гдѣ кромѣ скуки ни чего не чувствовалъ, и отъужинавъ по Гуронски и по нижне-Бретански, легъ спать въ прïятной надеждѣ увидѣть поутру Короля, исходатайствовать себѣ дѣвицу де Сентъ-Иву въ супружество, имѣть по крайней мѣрѣ эскадронъ конницы и пресѣчь гоненïе на Гугенотовъ. Онъ колебался сими лестными мыслями, когда военная команда вошла въ его покой. Она тотчасъ овладѣла его двуствольнымъ ружьемъ и большою саблею.

Здѣ-

Здѣлали опись его наличнымъ деньгамъ и повезли его въ замокъ построенный по приказанію Короля Карла V, Сына Іоанна II, подлѣ улицы святаго Антонія у воротъ бащенъ.

Какое было въ пути удивленіе Простодушнаго, я вамъ оставляю на разсужденіе. Сперва думалъ онъ, что это было сновидѣніе. Онъ пребывалъ въ оцепенѣній; потомъ вдругъ воскипя яростію, которая усугубила его силы, схватываетъ за горло двухъ своихъ провожатыхъ, сидѣвшихъ съ нимъ въ повозкѣ, выталкиваетъ ихъ, бросается и самъ послѣ, и тащитъ третьяго, который хотѣлъ его удержать. Онъ падаетъ отъ изнеможенія, его связываютъ и опять сажаютъ въ повозку. Вотъ какъ награждаютъ, сказывалъ онъ, за прогнаніе Агличанъ изъ нижней Бретаніи!

ціи! чтобы ты сказала, прекрасная де Сентъ-Ива, еслибъ меня увидѣла въ семъ состояніи!

Наконецъ пріѣзжаютъ къ жилищу, которое было для него назначено. Его несутъ въ молчаніи какъ мертваго въ покой, гдѣ онъ былъ долженъ остаться заключенъ. Сей покой уже былъ занятъ старымъ пустынникомъ изъ Портъ-Роаяля, называемымъ *Гордономъ*, который уже истаявалъ тамъ года съ два. Вотъ тебѣ товарищъ, сказалъ ему начальникъ приставовъ. И тотчасъ опять заперли ужасными запорами толстую дверь, окованную желѣзными полосами. Оба невольника остались отлучены отъ всей вселенной.

Глава IX.

Простодушный заключенный въ Бастиліи съ Янценистомъ.

Господинъ Гордонъ былъ старикъ бодрой и веселой, онъ зналъ двѣ великія вещи, сносить злоключеніе и утѣшать нещастныхъ. Онъ подошелъ съ открытымъ и сострадательнымъ видомъ къ своему товарищу и обнявъ его говорилъ: кто бы вы таковы ни были пришедъ раздѣлять со мною гробъ насъ покрывающій, будьте увѣрены, что я всегда буду позабывать самаго себя для облегченія вашихъ страданій въ сей адской

адской пропасти, въ кою мы вверженъ. Станемъ обожать провидѣнїе, которое насъ къ тому привело, станемъ терпѣть спокойно и станемъ уповать. Сїи слова произвели въ душѣ Простодушнаго дѣйствїе Аглинскихъ капель, кои возвращаютъ умирающему жизнь, и заставляютъ его открыть удивленные глаза.

Послѣ первыхъ привѣтствїй Гордонъ непринуждая его объявить ему причину своего нещастїя, привелъ его до того, ласковымъ своимъ разговоромъ и участїемъ, какое принимаютъ два нещастные одинъ въ другомъ, что онъ самъ пожелалъ открыть свое сердце и сложить бремя угнѣтавшее его душу; но не могъ отгадать вины своего нещастїя; сїе казалось ему дѣиствїемъ безъ причины, и добродушной Гордонъ былъ такъ же удивленъ, какъ и онъ самъ.

На-

Надобно думать, говорилъ Янценистъ Гурону, что есть свыше великія намѣренія въ разсужденіи васъ, поелику препровождены вы отъ озера *Онтаріо* въ Англію и Францію, обращены въ нижней-Бретаніи и сюда приведены ради спасенія вашего. А я думаю, истинну вамъ сказать, отвѣчалъ Простодушной, что злой духъ для погубленія меня ввязался въ мою судьбу. Американцы, мои соземляне, не поступилибы со мною ни когда съ такимъ варварствомъ, какое я претерпѣваю; они объ ономъ понятія не имѣютъ. Ихъ называютъ *дикими*; правда, они весьма грубы, но добры; а люди сея земли хитрые плуты. По истиннѣ, я весьма дивлюсь, что зашелъ я изъ другаго свѣта заключить себя въ семъ свѣтѣ подъ четырмя засовами съ тобою; но когда стану разсуждать о неисче-

четномъ множествѣ людей, кои ѣдутъ изъ одной части свѣта, дабы предать себя смерти въ другой, или кои претерпѣваютъ на морѣ кораблекрушеніе и бываютъ съѣдены рыбами, то я невижу въ томъ ни какихъ добрыхъ намѣреній въ разсужденіи всѣхъ сихъ людей.

Обѣдать подали имъ въ небольшое окно. Разговоръ шелъ о провидѣніи, о указахъ и о умѣніи переносить нещастіи, коимъ всякой человѣкъ въ мірѣ семъ подверженъ. Тому два года, говорилъ старикъ, какъ я здѣсь нахожусь безъ всякаго утѣшенія, кромѣ самаго себя и книгъ; но ни на одну минуту не имѣлъ скуки.

Ахъ! господинъ Гордонъ, вскричалъ Простодушный, по этому вы ни въ кого не влюблены? Если бы вы знали такъ какъ я дѣвицу де Сентъ-Иву, то

то вы были бы въ отчаяніи: при сихъ словахъ не могъ онъ удержаться отъ слезъ, и тогда почувствовалъ себя нѣсколько меньше стѣсненнымъ. Но для чего, спросилъ онъ, слезы облегчаютъ горесть? Мнѣ кажется, что онѣ должны бы производить противное дѣйствіе. Сынъ мой, все въ насъ естественно, сказалъ добродушный старикъ; отъ всякаго испраженія дѣлается тѣлу добро, и все что облегчаетъ тѣло, облегчаетъ душу: мы орудіи провидѣнія.

Простодушный, какъ мы уже многократно сказывали, имѣя великое основаніе разума, углубился въ разсужденія о семъ понятіи, коего начальныя сѣмена, кажется, имѣлъ онъ въ самомъ себѣ. Послѣ чего спросилъ онъ у своего товарища, за чѣмъ его орудіе уже года съ два заключено подъ четырмя затворами? по-

по Д..... Б....., отвѣчалъ Гордонъ, я слыву Янценистомъ, зналъ я *Арнольда* и *Николе*: Езуиты насъ утѣсняли. Мы почитаемъ, что Папа такойже Епископъ какъ и другой, и за то самое отецъ де ла Шезъ исходатайствовалъ отъ Короля повелѣніе похитить у меня безъ всякаго судебнаго обряда вольность, единое драгоцѣннѣйшее для человѣка благо. Вотъ что весьма странно, сказалъ Простодушный, всѣ нещастные, коихъ я ни видалъ, ни на кого не ропщутъ за свои нещастія, какъ только на Папу.

Что касается до вашей Д.... Б....., то признаюсь вамъ, что я объ оной ни чего не разумѣю; но почитаю себѣ великою божескою милостію, что въ нещастіи моемъ нашелъ я въ васъ такого человѣка, который вливаетъ въ сердце мое утѣ-

утѣшенiи, къ коимъ почиталъ я себя неспособнымъ.

Всякой день разговоръ становился важнѣйшимъ и поучительнѣйшимъ. Души двухъ невольниковъ одна къ другой прилѣплялись. Старикъ много зналъ, а молодой человѣкъ желалъ многому научиться. Въ концѣ мѣсяца сталъ онъ учиться Геометрiи, онъ ее твердилъ съ жадностiю. Гордонъ далъ ему читать Физику Роголтову, которая была еще въ употребленiи, и онъ имѣлъ столь хорошей разумъ, что находилъ въ ней одни только непонятности.

Потомъ читалъ онъ томъ первый о изслѣдованiи истинны. Сей новый свѣтъ просвѣтилъ его. Какъ! говорилъ онъ, воображенiе наше и чувства наши толико насъ обманываютъ! какъ ! предмѣты необразуютъ нашихъ мыслей, и мы сами

не

не можемъ оныхъ произвесть! Когда прочиталъ онъ второй томъ, то уже былъ не такъ доволенъ, и заключилъ, что удобнѣе разрушать, нежели созидать.

Сотоварищъ его удивленный тѣмъ, что молодой невѣжа учинилъ такое разсужденіе, которое принадлежитъ токмо просвѣщеннымъ душамъ, возымѣлъ о разумѣ его великую мысль, и прилѣпился къ нему больше.

Вашъ *Маллебраншъ*, сказалъ ему однажды Простодушный, кажется, написалъ одну половину своей книги съ разсужденіемъ, а другую наполнилъ своимъ воображеніемъ и предразсужденіями.

Нѣсколько дней спустя Гордонъ спросилъ у него: что же вы думаете о душѣ, о образѣ какъ мы

получаемъ понятіе, о нашей волѣ о милосердіи и произволеніи? Ничего, отвѣчалъ ему Простодушный; а естьли что либо и думалъ я, то мысль моя была такова, что мы состоимъ подъ властію вѣчнаго существа какъ звѣзды и стихіи, что оно все творитъ въ насъ, что мы мѣлкіе части неизмѣримаго зданія, коего оно есть душа, что дѣйствуетъ оно общими законами, а не видами частными: сіе одно только мнѣ кажется вразумительнымъ, а все достальное есть для меня бездна покрытая мракомъ.

Такое простосердечіе безмѣрно смутило старика; онъ чувствовалъ, что тщетно усиливался извлечь себя изъ сей пропасти; но несмотря на то употреблялъ такое сильное многорѣчіе, въ коемъ казался быть смыслъ, а въ самомъ дѣлѣ со всѣмъ онаго

онаго не было, что Простодушный смѣялся бѣднымъ его доказательствамъ. Сей вопросъ касался до изслѣдованія источника о добрѣ и злѣ; и тогда надлежало бѣдному Гордону разсмотрѣть Пандоринъ ящикъ, *Оросмадово* яицо проколотое *Ариманномъ*, вражду между *Тифиномъ* и *Озирисомъ* и пр: оба они странствовали въ сей глубокой нощи, не попадая никогда на одну мысль. Но наконецъ сіе умствованіе о душѣ отвлекло ихъ отъ размышленія о своемъ собственномъ злополучіи; и нѣкіимъ страннымъ очарованіемъ, множество бѣдствій объявшихъ вселенную, умаляло ощущеніе ихъ страданій. Они не смѣли роптать когда все страдало.

Но во время ночнаго покоя, образъ прекрасной де Сентъ-Ивы, истребилъ въ разумѣ ея любовника

всѣ Метафизическіе и нравственные мысли. Онъ пробуждался имѣя глаза орошенные слезами ; а старой Янценистъ, позабывъ свои умствованія, Аббата де Сентъ-Цирана и Янценіуса, старался лишь подать утѣшеніе молодому человѣку, коего почиталъ онъ сущимъ грѣшникомъ.

Послѣ чтеній и послѣ разсужденій, бесѣдовали они еще о своихъ приключеніяхъ , и поговоря объ оныхъ безполезно, читали оба вмѣстѣ, или каждой особо. Разумъ молодаго человѣка вящше и вящше утверждался. Онъ успѣлъ бы, а особливо въ Математикѣ , весьма хорошо, естьли бы не отвлекала его мыслей дѣвица де Сентъ-Ива.

Онъ читалъ исторіи, онѣ его опечаливали. Свѣтъ казался ему безмѣрно злымъ и безмѣрно бѣдствен-

ственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія не иное что есть, какъ картина злодѣйствъ и нещастій. Множество людей невинныхъ и кроткихъ всегда на сихъ пространныхъ позорищахъ изчезаютъ. Дѣйствующими лицами остаются одни беззаконные честолюбцы. Кажется, что исторія столькоже нравится, какъ и трагедія, которая бываетъ скучна, естьли она не оживотворена страстями, злодѣяніями, и великими нещастіями. *Кліо* надлежитъ вооружать кинжаломъ такъ какъ и *Мельпомену*.

Хотя исторія о Франціи преисполнена ужасными лютостями такъ какъ и всѣ прочіе, однакожъ она показалась ему, толь отвратительною въ началѣ, толь сухою въ серединѣ, толь маловажною въ окончаніи, даже и въ самое царствованіе Генриха IV, толь недостаточною

вели-

великими дѣянїями и толь бѣдною въ разсужденїи преизящныхъ открытїй, коими прославлялись другїе народы, что онъ былъ принужденъ, превозмогая скуку, читать всѣ оныя подробности о сокровенныхъ бѣдствїяхъ заключенныхъ въ одномъ углу свѣта.

Гордонъ былъ его мнѣнїя. Они оба смѣялись отъ сожалѣнїя, когда дѣло шло о Фезензакѣ, Фезанзагеттѣ и Астаракѣ. Сїе познанїе въ самомъ дѣлѣ было бы полезно только для ихъ наслѣдниковъ, еслибы они ихъ имѣли. Знаменитые вѣки Римской Республики отвлекли на нѣкоторое время все его вниманїе отъ произшествїй въ протчихъ странахъ свѣта. Зрѣлище Рима побѣдами торжествующаго, и законы народамъ дающаго, всю душу его упражняло. Онъ воспалялся жаромъ взирая на сей народъ, который былъ

семь сотъ лѣтъ управляемъ восторгомъ вольности и славы.

Такъ протекали дни, недѣли, мѣсяцы; и онъ бы почиталъ себя благополучнымъ въ жилищѣ отчаянія, естьли бы не зналъ любви.

Природное его добродушіе трогалось еще сожалѣніемъ по настоятелѣ торской обители и по чуствительной де Керкабонѣ. Что подумаютъ они, повторялъ онъ часто, не получая отъ меня ни какихъ извѣстій? Они почтутъ меня неблагодарнымъ, мысль сія безпокоила его; онъ сожалѣлъ гораздо болѣе о тѣхъ, кои его любили нежели какъ о своемъ собственномъ злополучіи.

Глава X.

Какимъ образомъ Простодушный открываетъ свое дарованіе.

Чтеніе возвеличиваетъ душу, а просвѣщенный другъ утѣшаетъ ее. Невольникъ нашъ пользовался сими двумя выгодами, о коихъ онъ прежде не вѣдалъ. Я скоро стану, вѣрить превращеніямъ, говоритъ онъ поелику изъ скота превращенъ я теперь въ человѣка. Онъ составилъ себѣ изъ отборныхъ книгъ библіотеку, употребя часть своихъ денегъ, коими позволили ему располагать. Другъ его возбудилъ въ немъ охоту изъяснить письменно свои разсужде-

жденія. Вотъ что написалъ онъ о древней исторіи:

,,Я представляю, что древніе ,,были долгое время таковы же несмысленные народы какъ я, что они ,,научились уже очень поздо, что въ ,,теченіе многихъ вѣковъ занимались они единственно настоящею ,,минутою, которая протекала, ,,очень мало прошедшимъ и ни когда ,,нестарались проникнуть въ будущее событіе. Я прошелъ пять или ,,шесть сотъ миль Канады, но не нашелъ тамъ ни одного памятника, ,,ни одного человѣка, которой бы ,,зналъ, что прадѣдъ его дѣлалъ. ,,Не то ли есть естественное состояніе человѣка? Родъ людей населяющихъ сію землю, кажется мнѣ превосходитъ родъ другой страны. Сіе ,,его преимущество усугубилося со ,,многихъ вѣковъ науками и знаніями

,,Но

„Но не для того что сей родъ „бороду имѣетъ, и что нѣтъ оной „у Американцовъ. Я тому и самъ „не вѣрю; ибо вижу что Китай-„цы почти совсѣмъ неимѣютъ бо-„роды, а въ наукахъ упражняются „уже болѣе пяти тысячь лѣтъ. „Да и въ самомъ дѣлѣ, естли „они имѣютъ у себя лѣтописи „болѣе четырехъ тысячь лѣтъ, то „надобно полагать, что народъ соб „ранъ въ общество и процвѣтаетъ „болѣе пятидесяти вѣковъ.

„Паче всего поражаетъ меня въ „сей древней исторіи о Китаѣ то, „что почти все тамъ правдоподо-„бное и естественное. Я дивлюсь „что ни чего въ ней нѣтъ чу-десъ наго.

„Для чего всѣ другіе народы „дали себѣ баснословное происхож-

де-

,,денie? Старинные писатели исто-
,,рiи Французской, кои не очень
,,древни, выводятъ Французовъ отъ
,,*Франкуса*, Гекторова сына. Римляне
,,сказывались произшедшими отъ
,,*Фригiйсца*, хотя не было въ ихъ
,,языкѣ ни одного слова, которое
,,имѣло бы малѣйшую сообразность
,,съ языкомъ Фригiйскимъ. Боги де-
,,сять тысячь лѣтъ въ Египтѣ оби-
,,тали, а дiаволы въ Скифiи, гдѣ
,,произвели они Гуновъ. Я не вижу
,,прежде Туцидида ничего какъ
,,токмо одни сказки подобные Ама-
,,дисамъ и гораздо менѣе забавныя.
,,Вездѣ видны явленiи духовъ, про-
,,рицалища, чудеса, волшебства, пре-
,,вращенiи, снотолкованiя и дѣй-
,,ствiе сновъ, кои якобы устрояли
,,судьбу величайшихъ Имперiй, и
,,малѣйшихъ областей: тутъ скоты
,,говорятъ; тамъ скотовъ обожаютъ.
,,Боги претворенные въ человѣковъ,

,,а

„а человѣки переобразованные въ „Боговъ. Ахъ! естьли намъ потребны „басни, то пускай бы сіи басни „были покрайней мѣрѣ образованіемъ „истинны. Я люблю баснотворенія „философовъ, смѣюсь дѣтскимъ бас-„нямъ и гнушаюсь лжеучитель-„скими вымыслами.„

Однажды попалась ему въ руки исторія о Императорѣ *Юстиніанѣ*. Тамъ было написано, что Константинопольскіе невѣжды издали на весьма дурномъ Греческомъ языкѣ законъ противу величайшаго въ томъ вѣкѣ полководца за то, что сей герой въ жару разговора произнесъ сіи слова: *истинна сіяетъ своимъ собственнымъ свѣтомъ; не нужно просвѣщать умовъ пламенемъ возженныхъ костровъ.* Невѣжды увѣряли, что сіе ложное сказаніе пахнетъ ересью, и что противное тому неоспоримое пред-

предложенїе есть слѣдующее: *умы просвѣщаются токмо пламенемъ возженныхъ костровъ, и истина не можетъ сїять своимъ собственнымъ свѣтомъ.* Такимъ образомъ сїи лжеучители опровергли многїе рѣчи онаго полководца и издали законъ.

Какъ! возопилъ Простодушный, законы изданы сими людьми! это не законы, отвѣтствовалъ Гордонъ, но прекословїи, коимъ въ Константинополѣ всѣ люди, а особливо Императоръ смѣялись: сей премудрый Государь довелъ глупыхъ законоучителей, до того, что они ни чего немогли дѣлать кромѣ добра. Онъ зналъ, что сїи господа и многїе другїе пастыри причиняли своими противорѣчїями нестерпимыя досады Императорамъ, его предмѣстникамъ, подѣламъ важнѣйшимъ. Онъ очень хорошо здѣлалъ, сказалъ

Про-

Простодушный; пастырей должно подкрѣплять и воздерживать.

Онъ написалъ много другихъ разсужденій, кои объяли ужасомъ стараго Гордона. Какъ? Вѣщалъ онъ самъ въ себѣ, я истощилъ труды пятидесяти лѣтъ на ученіе свое и сомнѣваюсь достичь до природнаго здраваго разсудка сего почти дикаго юноши! я трепещу, что толь пщательно утверждался въ предразсужденіяхъ; онъ внемлетъ токмо простой природѣ.

Добродушной старикъ имѣлъ у себя нѣкоторые критическіе или ругательные книжонки и еженедѣльныя сочиненьицы, въ коихъ неспособные писцы злословятъ произведеніе другихъ, въ коихъ *Визеи* ругаются надъ *Рассинами*, а *Файдиты* надъ Фенелонами. Простодушный пробѣжалъ нѣкоторые изъ нихъ.
Сіи

Сїи пищцы, сказалъ онъ, подобны нѣкоторымъ насѣкомымъ, кои кладутъ свои яицы въ заднемъ проходѣ прекраснѣйшихъ лошадей: но сїе непрепятствуетъ имъ скоро бѣжать. Оба мудреца едва удостоили обратить свое вниманїе на сїю мерзкую ученость.

Вскорѣ начали они читать вмѣстѣ первоначальные основанiи астрономїи; Простодушный велѣлъ принесть сферы: сїе великое зрѣлище его восхищало. Сколь несносно, вѣщалъ онъ, что непрежде начинаю я познавать небо, какъ когда уже лишили меня свободы разсматривать оной. Юпитеръ и Сатурнъ обращаются въ семъ неизмѣримомъ пространствѣ. Милїоны солнцевъ освѣщаютъ тысячу милїоновъ мїровъ; и въ углу земли, гдѣ я поверженъ, находятся существа, кои меня, которой есть

есть подобное же имъ чувствующее и мыслящее существо, лишаютъ всѣхъ оныхъ міровъ, до коихъ зрѣніе мое могло бы достичь и міра, въ коемъ я произведенъ! Свѣтъ сотворенный для всей вселенной, есть ради меня потерянъ. Отъ меня его не скрывали на сѣверномъ Оризонтѣ, гдѣ проводилъ я дѣтство свое и младость. Безъ васъ любезный мой Гордонъ, былъ бы я здѣсь въ ничтожествѣ.

Глава XI.

Что Простодушный думаетъ о театральныхъ сочиненiяхъ.

Простодушный юноша уподоблялся одному изъ тѣхъ матерыхъ деревъ, кои будучи возращены на безплодной землѣ и послѣ пересажены на плодородную, распростираютъ въ короткое время свои корень и вѣтви: весьма чудно, что темница была сею плодоносною землею.

Между книгами, кои занимали досужее время двухъ невольниковъ, находились стихотворенiи, переводы Греческихъ Трагедiи, и нѣкото-

рые сочиненіи Французскаго театра. Стихи, въ коихъ была описываема любовь, произвели въ сердцѣ Простодушнаго и удовольствіе и печаль. Они всѣ твердили ему о его любезной де Сентъ Ивѣ. Басня о двухъ голубяхъ пронзила ему сердце; но трудно уже было возвратиться въ свою голубятню.

Мольеръ плѣнилъ его. Онъ далъ ему познать нравы Парижа и человѣческаго рода. Которой изъ его комедій даете вы преимущество? *Святошѣ* безъ сумнѣнія. Я думаю согласно съ вами сказалъ Гордонъ; такой же пустосвятъ засадилъ меня въ сію тюрьму, да они же можетъ быть и вамъ нещастіе причинили.

Каковы вамъ кажутся сіи Греческія Трагедіи? Изрядны въ разсужденіи Грековъ, сказалъ Простодушный. Но когда прочиталъ онъ новую *Ифигенію*, *Федра*, *Андромаха*, *Ата*-

Аталїю, то былъ объятъ восторгомъ, вздохнулъ, пролилъ слезы и зналъ оныя наизусть не стараясь во все ихъ знать.

Читайте *Родогуна*, сказалъ ему Гордонъ, ее почитаютъ наисовершеннѣйшимъ театральнымъ творенїемъ; другїе сочиненїи, отъ коихъ вы чувствовали толикое удовольствїе, никакъ съ нею не могутъ сравниться. Молодой человѣкъ прочитавъ первую страницу, сказалъ ему: ето уже не того автора..... По чему вы примѣчаете?.... Я немогу еще вамъ того сказать; но сїи стихи не трогаютъ ни слуха ни сердца моего. Стихи ни чего не значатъ, отозвался Гордонъ. Простодушный отвѣчалъ: такъ для чего же стихами и писать.

Прочитавши пїесу съ великимъ вниманїемъ и съ тѣмъ единственно намѣренїемъ, чтобъ имѣть только

ко удовольствїе, взиралъ онъ на своего друга съ холодностїю и удивленїемъ и незналъ что сказать. На конецъ будучи побуждаемъ къ объясненїю своихъ чувствованїй, сказалъ: я нимало не разумѣлъ начала; въ срединѣ чувствовалъ въ себѣ смятенїе; послѣднее явленїе много меня тронуло, хотя оно мнѣ кажется мало правдопобнымъ; я не чувствую ни къ кому изъ представленныхъ лицъ привязанности; и непомню изъ нее двантцати стиховъ, сколько въ протчемъ я ни памятенъ на все что мнѣ нравится.

Однакожъ сїе сочиненїе почитается у насъ наилучшимъ...... Естьли такъ, отвѣтствовалъ онъ, то можетъ быть оно подобно тому множеству людей, кои не достойны занимаемыхъ ими мѣстъ. Впротчемъ сїе зависитъ отъ разборчивости вкуса, а мой не такъ еще очищенъ;

я могу обмануться; но вы знаете что я привыкЪ говорить то, что думаю, или сказать лучше, то что чувствую. МнѢ кажется, что людскія разсужденія часто бываютЪ основаны на обманчивыхЪ, модныхЪ и своенравныхЪ видахЪ. Я говорю слѢдуя природѢ; статься можетЪ, что у меня она еще весьма несовершенна: но случается иногда и то, что многіе люди мало сЪ нею соображаются. Тогда проговорилЪ онЪ стихи изЪ Ифигеніи, коими память его была наполнена; и хотя произносилЪ онЪ не хорошо, но вЪ нихЪ содержалось столько истинны и силы, что старой ЯнценистЪ не могЪ удержаться отЪ слезЪ. ПослѢ того читалЪ онЪ *Цинну*; онЪ неплакалЪ, но удивлялся.

Глава XII.

Прекрасная Сентъ-Ива ѣдетъ въ Версалїю.

Между тѣмъ какъ нещастной Гуронъ просвѣщался болѣе нежели утѣшалъ себя; между тѣмъ какъ его дарованїе толь долгое время задушенное, съ толикою быстротою и силою открывалось, и какъ природа приходя въ немъ въ совершенство, отомщевала обидившей его судьбѣ, что дѣлалося съ господиномъ Настоятелемъ, съ его добросердечною сестрою, и съ прекрасною затворницею Сентъ-Ивою? Первый мѣсяцъ были они безпокойны, а на тре-

третій погружены въ печаль. Несправедливые мнѣніи, неосновательные слухи тревожили ихъ. По прошествіи полгода почитали они уже его мертвымъ. Но наконецъ господинъ и дѣвица де Керкабонъ освѣдомились изъ стараго письма, которое Королевскій тѣлохранитель писалъ въ Бретанію, что одинъ молодой человѣкъ похожій на Простодушнаго, пріѣхалъ въ вечеру въ Версалію, что его въ ночное время схватили, и что съ тѣхъ поръ ни кто объ немъ больше неслыхалъ.

Ахъ, сказала дѣвица де Керкабонъ, конечно нашъ племянникъ здѣлалъ какое нибудь дурачество и попалъ въ нещастіе. Онъ молодъ, Нижней-Бретанецъ, ни гдѣ не обращался и незнаетъ какъ себя вести при дворѣ. Любезный мой братъ, я никогда не видала ни Версаліи ни

Па-

Парижа, вотъ хорошій случай побывать; мы можетъ быть отыщемъ нашего нещастнаго племянника; онъ сынъ нашего брата, мы должны ему пособить. Авосьлибо наконецъ удастся намъ здѣлать его поддіакономъ, когда стремительность его младости будетъ умерщвлена. Онъ имѣлъ много склонности къ наукамъ. Помнители вы, какъ онъ разсуждалъ о книгѣ Н. З? Мы отвѣтчики за его душу. Нашимъ стараніемъ онъ обращенъ; дорогая его любовница де Сентъ-Ива провождаетъ дни въ слезахъ. Право надобно съѣздить въ Парижъ. Естьли онъ скрывается въ какомъ нибудь изъ тѣхъ подлыхъ домовъ наполненныхъ прелестницами, о коихъ столько мнѣ повѣстей расказывали, то мы его оттуда освободимъ. Настоятель былъ тронутъ словами своей сестры. Онъ поѣхалъ къ Сентъ-Мало-

скому Прелату, и просилъ отъ него покровительства и совѣтовъ. Прелатъ одобрилъ путешествіе. Онъ далъ настоятелю одобрительные письма къ отцу дела Шезу, который имѣлъ первое въ Королевствѣ достоинство, къ Архіепископу Парижскому *Галрею*; и къ Епископу города *Мо* Босюету.

Наконецъ братъ и сестра отправились; пріѣхавъ въ Парижъ, заблудились они въ немъ какъ въ пространномъ *Лабиринтѣ* безъ нити и безъ выхода. Достатокъ ихъ былъ посредственной. Имъ надобно было всякой день ѣздить въ каретѣ для развѣдыванія о своемъ племянникѣ, и они ни чего не открывали.

Настоятель явился къ почтенному отцу дела Шезу, которой имѣлъ переговоры съ дѣвицею *дю Тронъ*, и для того не могъ давать аудіенцій Настоятелямъ. Онъ пошелъ

шелъ къ Прелату, потомъ къ другому, но и сіи оба таковыми же дѣлами были заняты. Между тѣмъ удалось ему, что былъ онъ допущенъ къ симъ двумъ Прелатамъ; они оба объявили ему, что имъ не льзя мѣшаться въ дѣла его племянника по той причинѣ, что онъ небылъ поддіакономъ.

Наконецъ увидѣлся онъ съ Езуитомъ: сей принялъ его съ распростертыми руками, объявилъ ему, что онъ всегда имѣлъ къ нему особливое почтеніе, незнавъ его въ глаза. Онъ клялся что Езуитское общество всегда было привязано къ нижнимъ Бретанцамъ; но вашъ племянникъ, спросилъ онъ, не имѣетъ ли нещастія быть *Гугенотомъ*? Дѣйствительно нѣтъ, почтенный мой отецъ...... Не Янценистъ ли онъ.....? Онъ обращенъ нами тому около одиннатцати мѣсяцовъ....

Вотъ

Вотъ это хорошо, это очень похвально, мы будемъ имѣть объ немъ попеченіе. Великъ ли вашъ доходъ?..... О! очень малъ; и племянникъ мой стоитъ намъ много...... Нѣтъ ли какихъ нибудь Янценистовъ у васъ въ сосѣдствѣ? Берегитеся ихъ весьма, мой любезной господинъ Настоятель, они болѣе опасны, нежели Гугеноты и безбожники........ Почтенный мой отецъ, у насъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, и въ горской обители не знаютъ, что такое значитъ Янценисшво...... Тѣмъ лутче, подите, я все для васъ здѣлаю. Онъ отпустилъ благосклонно Настоятеля и болѣе объ немъ недумалъ.

Время протекало; Настоятель и добросердечная сестра отчаявались.

Между тѣмъ проклятой судья поспѣшалъ бракосочетаніемъ своего преглупаго сына съ прекрасною де Сентъ-Ивою, которую нарочно для

того

того и выпустили изъ монастыря. Она всегда любила Простодушнаго Гурона столько, сколько ненавидѣла представляемаго ей супруга. Стыдъ, что была посажена въ монастырь усугублялъ ея страсть. Повелѣніе выйти за сына судьи, дѣлало оную совершенно непреодолимою. Сѣтованіе, нѣжность и омерзѣніе душу ея возмущали. Извѣстно, что любовь гораздо остроумнѣе и отважнѣе въ молодой дѣвицѣ, нежели дружба въ старомъ Настоятелѣ и въ теткѣ сорока пяти лѣтъ. Сверхъ того весьма просвѣтилась она въ монастырѣ романами, кои читала скрытно.

Прекрасная Сентъ-Ива вспомнила о письмѣ, которое тѣлохранитель писалъ въ нижнюю-Бретанію, и о коемъ говорили въ провинціи. Она сама рѣшилась ѣхать въ Версалію, дабы обо всемъ развѣдать, повергнуть себя къ стопамъ министровъ,

тровъ, если подлинно, какъ сказываютъ, любовникъ ея находится въ заточенiи, и исходатайствовать для него правосудiе. Я не знаю какое тайное имѣла она предчувствованiе, что пригожей дѣвицѣ ни въ чемъ при дворѣ неотказываютъ; но она не знала, сколь ей дорого то будетъ стоить.

Принявъ сiе намѣренiе, утѣшается она, пребываетъ спокойна, и не отвергаетъ уже своего глупаго жениха; принимаетъ ненавистнаго свекра, ласкаетъ своему брату, производитъ радость въ домѣ, потомъ въ назначенный для бракосочетанiя день, уѣзжаетъ тайно въ четыре часа поутру съ своими мѣлкими свадебными подарками, и со всѣмъ прочимъ, что могла собрать Все расположено было ею такъ хорошо; что когда вошли въ ея покой около полудня, тогда уже находилась она

за десять миль отъ нихъ. Удивленіе и уныніе было несказанно; вопросительной судья учинилъ тотъ день болѣе вопросовъ, нежели въ цѣлую недѣлю; нареченный ея супругъ обезумѣлъ больше прежняго. Разгнѣванной Аббатъ де Сентъ Ивъ принялъ намѣреніе гнаться за своею сестрою; судья и сынъ его хотѣли ему сотоварищесшвовать. Такими судьбами отправилась въ Парижъ почти вся округа нижней Бретаніи.

Прекрасная Сентъ Ива ни мало не сомнѣвалась, чтобъ за ней не было погони. Она ѣхала верхомъ на лошади и осторожно освѣдомлялась отъ куріеровъ не встрѣчались ли они съ толстымъ Аббатомъ, съ чрезвычайнымъ судьею, и съ молодымъ дуракомъ, по Парижской дорогѣ. Узнавъ на третій день, что они были недалеко, взяла она особливой путь, и была столько проворна

ворна и щастлива, что прибыла въ Версалію въ то время, когда искали ее безполезно въ Парижѣ.

Но какъ вести себя въ Версаліи? Будучи молода, прекрасна, безъ совѣта, безъ подпоры, ни кѣмъ не знаема, всему подвержена; какъ можно было ей осмѣлиться искать Королевскаго тѣлохранителя? Она вздумала прибѣгнуть къ Езуиту нижней степени; ихъ было для всѣхъ состояній жизни столько, сколько есть разныхъ родовъ животныхъ, изъ коихъ каждому предопредѣлена особая пища. Первостепеннаго называли *начальникомъ Гал. . . Ц. . . .* Потомъ слѣдовали допросчики П. . . Министры оныхъ не имѣли; они не такъ были глупы. Были Езуиты большаго общества, а особливо Езуиты горнишнихъ служанокъ, чрезъ коихъ знали они тайны ихъ госпожъ, и такая долж-

ность

ность была не маловажна. Прекрасная Сентъ Ива прибѣгнула къ одному изъ сихъ послѣднихъ, который назывался *Тутъ а тусъ* (тузъ) она открыла ему свои приключенія, свое состояніе, свою опасность, и усердно просила его доставить ей квартиру у какой нибудь набожной женщины, гдѣ бы она могла быть въ безопасности отъ искушеній.

Отецъ *Тутъ а-тусъ* отвелъ ее къ женѣ подчашаго, къ одной изъ своихъ вѣрнѣйшихъ плутовокъ. Пришедши къ ней старалась она пріобрѣсти довѣренность и дружбу сей женщины; она освѣдомилась о тѣлохранителѣ Бретанцѣ и приказала просить его къ себѣ. Узнавъ отъ него, что ея любовникъ послѣ переговора съ первымъ коммисаромъ, былъ увезенъ, бѣжитъ она къ сему коммисару; видѣніе прекрасной жен-

женщины смягчило его; ибо надобно согласиться, что сіе любезное твореніе и сотворено единственно для укрощенія мущинъ.

Подьячей былъ смягченъ, открылъ ей все. Вашъ любовникъ въ Бастиліи уже близъ года и безъ васъ былъ бы онъ тамъ можетъ быть во всю свою жизнь. Нѣжная Сентъ-Ива упала въ обморокъ. Потомъ пришла она въ чувство; подьячій сказалъ ей; я не въ силахъ дѣлать добро, вся власть моя заключается въ твореніи иногда зла. Послушайте меня, подите къ господину *де Сентъ Пуанжу*, который дѣлаетъ и добро и зло, и есть свойственникъ и любимецъ господина *де Лувуа*. Сей министръ имѣетъ двѣ души; господинъ де Сентъ-Пуанжъ имѣетъ одну, а госпожа *де Беллой* другую; но ее теперь нѣтъ въ *Версаліи*; вамъ только остается

умилостивить покровителя, коего я вамъ представляю.

Прекрасная СентЪ-Ива ободренная слабою радостїю и надеждою, снѣдаемая безмѣрною горестїю, пораженная печальнымъ страхомъ, преслѣдуемая своимъ братомъ, обожающая своего любовника, отирая свои слезы, и вновь проливая оныя, трепещущая, изнеможенная, прїемлетъ бодрость и бѣжитъ скорѣе къ господину *де Сентъ-Пуанжу*.

Глава XIII.

Приращенїе разума Простодушнаго.

Простодушный оказывалъ скорые успѣхи въ наукахъ, а особливо въ познанїи о человѣкѣ. Такому скорому откры-

открытію въ немъ разума способствовало дикое его воспитаніе почти столькоже, какъ и душевныя его свойства; ибо не учась ни чему съ дѣтства, не помрачилъ онъ себя ни какими предразсужденіями. Разумѣніе его не бывъ повреждено заблужденіемъ, осталось во всей своей правотѣ. Онъ видѣлъ вещи таковыми, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, а мы вмѣсто того бываемъ напоены съ младенчества такими мнѣніями, кои представляютъ во всю жизнь нашу тѣже самыя вещи совсѣмъ въ развратномъ видѣ. Гонители ваши мерзскіе, сказалъ онъ своему другу Гордону. Я жалѣю, что вы утѣснены; но еще паче что вы Янценистъ: всякая секта кажется мнѣ скопищемъ заблужденія. Скажите мнѣ, есть ли въ Геометріи секты? . . . . Нѣтъ, мой любезной сынъ, отвѣчалъ ему съ воздыханіемъ доб-

добродушной Гордонъ, всѣ люди согласны въ истиннѣ, когда она доказана, и чрезмѣрно разномысленны въ однѣхъ только темныхъ истиннахъ. . . . . Скажите лутче сказалъ Гуронъ, въ темныхъ лживостяхъ: если бы хотя одна истинна была скрыта во множествѣ вашихъ доказательствъ, кои съ толикихъ вѣковъ прилѣжно изслѣдываются, то безъ сумнѣнія открыли бы ее, и вселенная была бы по крайней мѣрѣ въ томъ согласна. Естли бы сія истинна была столько необходимо нужна, сколько солнце для земли, то она была бы такъ же сіяюща, какъ оно. Кто утверждаетъ что есть истинна свойственная человѣку, но оная отъ него сокрыта, тотъ болтаетъ вздоръ, ругается надъ родомъ человѣческимъ и оскорбляетъ виновника, коему приписываетъ сокрытіе таковыхъ истиннъ.

Все что ни говорилъ сей юный и естествомъ наставленный невѣжда, производило глубокое впечатлѣніе въ разумѣ ученаго и нещастнаго старика .... Не дѣйствительно ли справедливо, вскричалъ онъ, что я подвергъ себя злополучію ради сумазбродствъ? Я гораздо болѣе увѣренъ о своемъ нещастіи, нежели о благодатныхъ умствованіяхъ. Цѣлой вѣкъ изнурялъ я себя размышленіями о свободѣ рода человѣческаго, но свою потерялъ: ни *Августинъ* ни *Просперъ* не извлекутъ меня изъ пропасти, въ которой я пребываю.

Простодушный предавшись своему душевному свойству, сказалъ наконецъ: хотите ли вы, чтобъ я съ вами говорилъ съ прямою довѣренностію? Тѣхъ, кои предаютъ себя гоненіямъ, ради пустыхъ школьныхъ словопрѣній, почитаю я мало разумными

ными; а угнѣтающіе ихъ, кажутся мнѣ извергами и чудовищами.

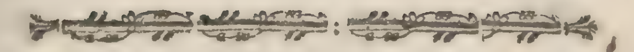
Оба невольника весьма были согласны въ несправедливости ихъ заточенія. Я во сто разъ болѣе достоинъ сожалѣнія, нежели вы, сказалъ Простодушный; я родился свободнымъ такъ какъ воздухъ, имѣлъ двѣ жизни, вольность и предмѣтъ моей любви; но и то у меня похищаютъ. Мы здѣсь оба въ оковахъ и не можемъ требовать свободы Я жилъ Гурономъ двагцать лѣтъ; сказываютъ, что они варвары, для того что отмщеваютъ своимъ непріятелямъ; но они ни когда не утѣсняли своихъ пріятелей. Едва только вступилъ я во Францію, то пролилъ кровь свою ради ея; я можетъ быть спасъ провинцію; но въ награду за то погребенъ теперь живой въ семъ преисподнемъ жилищѣ живыхъ мертвецовъ, гдѣ безъ васъ дѣй-

дѣйствительно умерЪ бы я отЪ огорченія. По этому со всѣмЪ нѣтЪ вЪ сей землѣ законовЪ, когда наказываютЪ людей не выслушавЪ ихЪ! ВЪ Англіи не поступаютЪ столь беззаконно. АхЪ! не противу Агличан надлежало мнѣ сражаться. ТакимЪ образомЪ раждающееся вЪ немЪ любомудріе, не могши укротить природы обиженной вЪ первомЪ изЪ ея правЪ, оставило полную свободу праведному его гнѣву.

СотоварищЪ его отнюдь ему не прекословилЪ. Отсутствіе всегда усиливаетЪ любовь, которая еще не удовлетворена, и самое любомудріе не умаляетЪ ее. ОнЪ такЪ же часто разговаривалЪ о своей любезной СентЪ-Ивѣ, какЪ о нравоученіи и Метафизикѣ. ЧемЪ болѣе чувствованіи его очищались, тѣмЪ паче любилЪ онЪ. ОнЪ читалЪ нѣкоторыя новыя любовныя повѣсти; но мало на-

находилъ такихъ, въ коихъ бы было живо описано состоянie его души и чувствовалъ, что сердце его оживлено сильнѣйшею страстiю, нежели во всѣхъ тѣхъ повѣстяхъ. Ахъ! сказалъ онъ, почти всѣ сiи сочинители имѣютъ токмо разумъ и искусство. Наконецъ добродушной Янценистъ нечувствительно прiобрѣлъ довѣренность всѣхъ нѣжностей его. Онъ прежде почиталъ любовь беззаконнѣйшимъ предмѣтомъ, но съ сей поры сталъ признавать ее. чувствованiемъ стольже благороднымъ, сколь и нѣжнымъ, которое можетъ возвысить душу и въ ту же мѣру ее разслабить, а иногда произвесть въ ней и самую добродѣтель. Наконецъ къ чрезвычайному удивленiю Гуронъ Янцениста обратилъ.

Глава XIV.

Прекрасная Сентъ-Ива противится нѣжнымъ предложенiямъ.

Итакъ прекрасная Сентъ-Ива, будучи еще нѣжнѣе своего любовника, пошла въ препровожденiи прiятельницы, у которой жила, къ Г. де-Сентъ-Пуанжу, закрывшись обѣ своими каперами. Первѣе всего увидѣла она изъ дверей вышедшаго своего брата Аббата да Сентъ-Ива. Она оробѣла, но набожная прiятельница ободрила ее. Вамъ надобно говорить для того самаго, что противъ васъ было говорено. Будьте увѣрены, что въ сей землѣ доносители всегда бываютъ правы, естли обвиняемой не

 успѣ-

успѣетъ ихъ опровергнуть. Въ протчемъ присутствіе ваше, или я очень обманываюсь, произведетъ болѣе дѣйствія, нежели всѣ слова вашего брата.

Страстная любовница, хотя мало ободренная, бываетъ неустрашима. Сентъ-Ива предстаетъ на аудіенцію. Младость ея, прелести, нѣжные глаза, орошенные нѣсколько слезами, обратили на нее всѣхъ взоры. Всѣ льстецы окружающіе подъ-министра, позабывъ на минуту идола власти, смотрѣли на предмѣтъ прелестной красоты. Сентъ-Пуанжъ ввелъ ее въ свой кабинетъ. Она говорила съ нѣжнымъ чувствованіемъ и съ пріятностію. Сентъ-Пуанжъ почувствовалъ себя тронутымъ. Она трепетала, онъ ее ободрилъ. Пріийдите ко мнѣ въ вечеръ, сказалъ онъ ей, дѣла ваши таковы, что надобно объ нихъ подумать и поговорить на досугѣ. Здѣсь

людей

людей много; дѣла отправляются очень скоро; а мнѣ надобно поговорить съ вами обстоятельно обо всемъ, что до васъ касается. Потомъ похваляя ея красоту и ея чувствованія, просилъ, чтобъ она пришла къ нему въ сѣмь часовъ въ вечеру.

Она то исполнила: набожная ея пріятельница опять ее проводила и оставшись сама въ залѣ, читала нравоучительныя поученія между тѣмъ какъ Сентъ-Пуанжъ и прекрасная Сентъ-Ива были въ отдаленномъ кабинетѣ. Повѣрите ли вы, сударыня моя, сказалъ ей съ перваго слова Сентъ-Пуанжъ, что братъ вашъ пріѣхалъ ко мнѣ просить на васъ королевскаго указа! но признаюсь вамъ по истиннѣ, я его самаго скорѣе отправлю съ указомъ въ нижнюю Бретанію. . . . . Ахъ! милостивый государь, по этому въ вашихъ приказахъ весьма щедро раздаютъ указы,

кор-

когда изъ отдаленныхъ мѣстъ королевства прїѣзжаютъ за ними, какъ будто за пенсїями Я совсѣмъ не намѣрена просить указа на моего брата. Имѣю великую причину жаловаться на него; но уважаю свободу людей и прошу указа объ освобожденїи такого человѣка, за коего хочу я выйти за мужъ, коему король обязанъ сохраненїемъ провинцїи, который можетъ ему служить полезно и который есть сынъ одного убитаго въ службѣ его офицера. Въ чемъ онъ обвиненъ? Какъ могли поступить съ нимъ толь жестоко не выслушавъ его?

Тогда подъ-министръ показалъ ей письмо отъ Езуита шпїона и другое отъ вѣроломнаго судьи. . . Какъ! есть подобные чудовища на земли! и такимъ образомъ хотятъ принудить, чтобъ я вступила въ бракъ съ глупымъ сыномъ глупаго и злаго отца!

Вотъ

Вотъ по какимъ внушеніямъ рѣшатъ здѣсь судьбу согражданъ! Она бросилась на колѣни и проливая слезы съ воздыханіемъ, просила о освобожденіи честнаго человѣка, который ее обожалъ. Въ такомъ положеніи прелести ея являлись въ полномъ совершенствѣ. Она была столь прекрасна, что Сентъ-Пуанжъ потерявъ весь стыдъ, далъ ей разумѣть, что она успѣетъ въ семъ дѣлѣ, естли пожертвуетъ ему тѣмъ, что предоставляетъ своему любовнику. Сентъ-Ива устрашенная и смущенная долгое время притворялась будто его не разумѣетъ. Надлежало изъясниться вразумительнѣе. Выговоренное слово сперва со скромностію, произвело выразительнѣйшее, а за тѣмъ послѣдовало другое и того еще вразумительнѣе. Сулили ей все здѣлать въ пользу ея любовника, сулили ей всякія награжденія; и чемъ болѣе дѣлано обѣщаній,

нїй, тѣмъ паче было усугубляемо желанїе, дабы не быть отринуту.

Сентъ-Ива рыдала, была задушена, полуопрокинута на софу, и едва вѣрила тому, что видѣла и что слышала. Сентъ-Пуанжъ въ свою очередь бросился предъ нею на колѣни. Онъ былъ не безъ прїятностей и не могъ бы огорчить сердце, естли бы оно не было занято сильною любовїю; но Сентъ-Ива обожала своего любовника и почитала ужаснымъ преступленїемъ оказать ему свои услуги измѣною. Сентъ-Пуанжъ повторялъ прозьбы и обѣщанїи. На конецъ голова у него такъ вскружилась, что онъ ей объявилъ, что сей одинъ только и есть способъ, коимъ она можетъ освободить того, въ комъ брала столь сильное и нѣжное участїе. Сей странный разговоръ долго продолжался. Набожная ея прїятельница, ожидавшая ее въ передней, наскуча чтенїемъ нравоучи-

учительныхъ поученій, говорила сама въ себѣ: какое чудо! что они тамъ дѣлаютъ часа съ два? Никогда господинъ де Сентъ-Пуанжъ не задерживалъ такъ долго просительницъ; можетъ быть онъ во всемъ отказалъ сей бѣдной дѣвицѣ и она безпрестанно и до сихъ поръ все его проситъ.

На конецъ подруга ея вышла изъ отдаленнаго кабинета вся встревоженная, не могши говорить и въ глубокомъ размышленіи о свойствѣ разностепенныхъ особъ, кои толь легкомысленно и безразсудно жертвуютъ свободою мущинъ и честностію женщинъ.

Она ни слова не говорила во всю дорогу. Пришедши къ пріятельницѣ домой, подняла ужасной вопль и все ей разсказала. Набожная показывая видъ изумленной, проворчала нѣсколько стиховъ отъ искушенія и сказала ей: любезная пріятельница, надобно завтре

тре же посовѣтовать съ Тутъ-а-Тусомъ (Тузъ); онъ въ великой силѣ у господина де Сентъ-Пуанжа и при томъ человѣкъ благочестивой и снисходительной; онъ многихъ наставляетъ; положитесь во всемъ на него; я сама также поступаю и всегда имъ очень довольна. Мы всѣ бѣдныя женщины имѣемъ нужду быть руководствуемы какимъ нибудь мущиною. . . . Ну, моя любезная пріятельница, такъ пойдемъ же завтре вмѣстѣ къ Тутъ-а-Тусу.

Глава XV.

Сентъ-Ива сдается

На другой день была она по наставленію своей пріятельницы у Тупъ-а-Туса и возвратилась отъ него въ крайнемъ безпокойствіи духа и изумленіи. Она просила свою пріятельницу умертвить ее; но сія не меньше Езуита снисходительная, убѣждала ее еще больше. Увы! говоритъ она, дѣла здѣсь никогда иначе не дѣлаются для такихъ прелестныхъ особъ каковы вы. Все раздаютъ здѣсь за туже цѣну, какой отъ васъ требуютъ. Послушайте, вы произвели во мнѣ дружбу и довѣренность; я вамъ признаюсь, что естли бы я также была

была несговорчива какъ вы, то мужъ мой не имѣлъ бы того, что нынѣ имѣетъ; онъ то знаетъ, и не токмо за то на меня не ропщетъ, но почитаетъ меня своею благотворительницею. Не уже ли вы думаете, что всѣ щастливые люди обязаны только своему достоинству за то щастье, коимъ они пользуются. Есть много людей достойныхъ, кои награждены по ихъ заслугамъ: но не мало есть и такихъ, кои одолжены за свое щастье не себѣ, но постороннимъ людямъ.

Вы находитесь въ состоянїи гораздо важнѣйшемъ; дѣло касается до освобожденїя вашего любовника изъ темницы и до вступленїя съ нимъ въ бракъ; такой долгъ есть священной, и вамъ надлежитъ его исполнить. Я не знаю, кто бы сталъ васъ порицать за снисхожденїе, коего отъ васъ требуютъ; всякъ васъ за то похвалитъ,

всѣ

всѣ объ васъ скажутъ, что вы покорились слабости ради единой безмѣрной добродѣтели. . . Ахъ! какая добродѣтель! вскричала прекрасная Сентъ-Ива. Какая запутанность неправосудія! какая страна! и сколь научаюсь я познавать людей! Отецъ дала-Шезъ и достопосмѣятельной судья содержитъ въ тюрмѣ моего любовника; родные мои меня угнѣтаютъ; а тутъ въ нещастіи подаютъ мнѣ руку помощи для того только, чтобъ меня обезчестить. Одинъ Езуитъ погубилъ честнаго человѣка, другой Езуитъ ищетъ моей погибели; совсѣхъ сторонъ сѣтьми меня окружаютъ и каждая минута угрожаетъ мнѣ бѣдствіями. Надобно мнѣ или самой себя умертвить или изъясниться съ Королемъ; я повергнусь къ стопамъ его на пути, когда онъ изволитъ итти къ литургіи или въ комедію.

Васъ до него не допустятъ, говоритъ ей ея добрая пріятельница; а еслибъ вамъ и удалось имѣть нещастіе говорить съ Государемъ, то господинъ де Лувоа и отецъ дела-Шезъ не преминутъ заточить васъ въ дальней монастырь на весь вашъ вѣкъ.

Между тѣмъ какъ сія великодушная дѣвица была терзаема мученіями отчаянной души и вонзала въ свое сердце кинжалъ, пріѣзжаетъ нарочной отъ господина де Сентъ-Пуанжа съ письмомъ и съ двумя предорогими серьгами. Сентъ-Ива обливаясь слезами, отреклась оныя принять, а пріятельница ея оставила ихъ у себя.

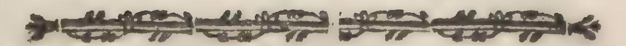
Какъ скоро посланный отправился, то повѣренная наша стала читать письмо, въ коемъ было предлагаемо, чтобъ сіи двѣ пріятельницы пріѣхали въ вечеру къ ужинному столу. Сентъ-Ива заклинается, что она не поѣдетъ. Набожная пріятельница старается

рается привѣсить ей двѣ алмазныя серги; Сентъ-Ива оказываетъ неудовольствїе и противится ей цѣлой день. Наконецъ имѣя въ виду только своего любовника, преодолѣнная, насильно влекомая, не зная сама куда идетъ, даетъ себя вести на пагубную вечеринку. Ни что не могло ее склонить на то, чтобъ украсить себя серьгами; наперстница привезла оныя съ собою, противъ воли привѣсила ей прежде нежели сѣли за столъ. Сентъ-Ива столь была смущенна, столь разстроена, что дала себя мучить, а покровитель ея заключилъ изъ того весьма благопрїятное предзнаменованїе. Предъ окончанїемъ стола наперстница непримѣтно отлучилась. Тогда благодѣтель показалъ ей отрѣшенїе тайнаго указа, по коему Гуронъ заточенъ, грамоту на знатное пожалованїе награжденїя, да другую на роту солдатъ, и сверхъ того

то надѣлалъ ей множество обѣщаній. Ахъ: сказала ему Сентъ-Ива, какъ бы я васъ любила, естлибъ вы не желали столько быть любимы!

Наконецъ по долгомъ сопротивленіи, послѣ вздоховъ, воплей, слезъ, обезсилившей отъ сопротивленія, отчаянной, измученной, надлежало сдаться. Единымъ пособіемъ въ семъ почитала она тотъ токмо обѣтъ, чтобъ не мыслить ни окомъ больше какъ о Простодушномъ въ то время, когда жестокой Сентъ-Пуанжъ пользовался необходимостію, до коей она была доведена.

Глава XVI.

Она освобождаетъ изъ неволи своего любовника и Янцениста.

На разсвѣтѣ дня летитъ она съ полученнымъ отъ министра повелѣнїемъ въ Парижъ. Не возможно описать, что происходило въ ея сердцѣ во время сего путешествїя. Читатель! вообрази себѣ душу добродѣтельную и благородную, посрамленную безчестїемъ, упоенную нѣжностїю, растерзанную горестїю и совѣстнымъ угрызенїемъ, что измѣнила своему любовнику и восхищенную отъ радости, что освобождаетъ ею обожаемаго. Огорченїе ея, жестокое раскаянїе и удачное освобожденїе ея любо-

любовника изъ заточенія, занимали всѣ ея мысли. Уже не была она та простая дѣвица, коея мысли были связаны и запутаны сельскимъ воспитаніемъ. Любовь и нещастіе совсѣмъ ее перемѣнили. Чувствованіе произвело въ ней столько успѣховъ, сколько умствованіе очистило разумъ нещастнаго ея любовника. Дѣвицы съ большею свободностію научаются чувствовать, нежели мущины размышлять. Ея приключеніе было поучительнѣе, нежели четырехълѣтнее монастырское заключеніе.

Одѣяніе ея было самое простое. Она съ омерзѣніемъ смотрѣла на украшенія, въ кои была наряжена у своего пагубнаго благодѣтеля. Она оставила свои алмазныя серьги своей подругѣ даже и не поглядя на нихъ. Смущенная и обрадованная, обожающая Простодушнаго и ненавидящаго самую себя, пріѣзжаетъ наконецъ къ

воро-

воротамЪ *сего ужаснаго замка, дому мщенія, который заключалЪ вЪ себѣ часто злодѣяніе и невинность.*

Когда надлежало выйпи изЪ кареты, силы ея ослабѣли, ее вели. Она вошла имѣя сердце трепещущее, глаза орошенные слезами и видЪ уныніемЪ помраченный. Ее представляютЪ тюремному надзирателю; она хочетЪ говорить ему, но пребываетЪ безгласна; показываетЪ указЪ, насилу выражая нѣкоторыя слова. Правитель любилЪ своего невольника и былЪ весьма доволенЪ его освобожденіемЪ. Сердце его не было такЪ ожесточено, какЪ у другихЪ славныхЪ тюремщиковЪ, его собратій, кои помышляя только о возмездіи сопряженномЪ сЪ храненіемЪ ихЪ невольниковЪ, основывая свои доходы на ихЪ жертвахЪ и живучи нещастіемЪ другаго, чувствовали тайно нѣкую ужасную радость глядя на слезы нещастныхЪ.

 ОнЪ

Онъ призываетъ арестанта въ свои покои. Оба любовника увидя другъ друга лишаются чувствъ. Прекрасная Сентъ-Ива долго была безъ памяти и безъ жизни: но любовникъ скоро привелъ ее въ чувство. Конечно это госпожа ваша супруга, спросилъ его, надзиратель; но я посю пору не зналъ, что вы были женаты. Меня увѣдомляютъ, что вы ея великодушнымъ стараніямъ обязаны за свое освобожденіе. Ахъ! я не достойна быть его супругою, сказала прекрасная Сентъ-Ива голосомъ дрожащимъ и потомъ опять пала въ обморокъ.

Пришедши въ чувство представила она вся трепещуща, грамоту на пожалованіе награжденія и писменное обѣщаніе роты солдатъ. Простодушный сколь удивленный, столь тронутый любовію, пробудился отъ сна, дабы опять предаться оному. По что былъ я здѣсь заключенъ?

Какъ

Какъ вы могли меня отъ сюда извлечь? гдѣ тѣ чудовища, кои меня сюда ввергнули? Вы божество снизшедшее съ небесъ для избавленія меня.

Прекрасная Сентъ-Ива потупя глаза, смотрѣла на своего любовника, краснѣла и минуту спустя отвращала свои глаза слезами орошенные. Наконецъ объявила она ему все что знала и все что испытала, выключая одно только то, что желала она на всегда сокрыть и что другой будучи на мѣстѣ Простодушнаго, обращаясь болѣе въ свѣтѣ и зная въ тонкость всѣ обыкновеніи двора лучше нежели онъ, легко бы могъ отгадать.

Возможно ли, сказалъ съ восторгомъ Простодушной, чтобъ такая тварь, каковъ судья, имѣлъ власть лишить меня свободы? Ахъ! я довольно вижу, что есть и между людьми такіе же злые уроды, какъ и между скотами; всѣ могутъ вредить.

Но

Но возможно ли, чтобъ монахъ, Езуитъ, духовникъ королевскій способствовалъ моему злополучію столько же какъ и оной судья, и въ такомъ случаѣ, когда я не могу вообразить себѣ, какой бы предлогъ имѣлъ сей мерзкой плутъ угнѣтать меня? Не внушилъ ли онъ обо мнѣ, что я Янценистъ? Наконецъ, какъ вы обо мнѣ вспомнили! Я того не заслуживалъ; я тогда былъ дикій человѣкъ. Какъ! вы могли безъ совѣта, безъ помощи, предпріять путешествіе въ Версалію. Вы туда явились и расторгли мои узы! И такъ есть въ красотѣ и добродѣтели непобѣдимая прелесть сокрушающая врата желѣзные и смягчающая прежесточайшія сердца.

При словѣ *добродѣтель* у прекрасной Сентъ-Ивы исторглись воздыханіи. Она не знала, сколь была добродѣтельна и въ самомъ преступленіи, коимъ себя упрекала.

Любов-

Любовникъ ея продолжалъ такъ: Ангелъ расторгнувшій мои узы; естьли вы имѣли (чего еще я не понимаю) довольно власти заставить учинить мнѣ справедливость, то заставьте явить оную и для старика, который первой научилъ меня мыслить такъ, какъ вы меня любить научили. Злополучіе соединило насъ; я его люблю какъ отца и не могу жить ни безъ васъ ни безъ него.

Вы требуете, чтобъ я стала просить того же человѣка, который... Да я желаю быть вамъ за все одолженъ и никому кромѣ васъ не хочу быть ни за что обязаннымъ... напишите къ сему многомощному человѣку, преисполните меня вашими благодѣяніями, окончайте начатое вами, совершите ваши чудеса. Она чувствовала, что надлежало исполнить все чего любовникъ ея домогался. Она хотѣла писать, но рука ея не могла

дѣй-

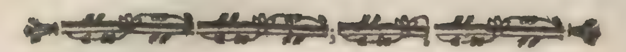
дѣйствовать. Три раза начинала свое письмо и три раза раздирала оное; наконецъ написала и оба любовника вышли, обнявъ Гордона страдавшаго за Янценистское ученіе.

Щастливая и огорченная Сентъ-Ива знала въ которомъ домѣ братъ ея стоялъ на квартирѣ; она къ нему пошла: любовникъ ея въ томъ же домѣ нанялъ для себя покои.

Едва лишь они туда прибыли, покровитель прислалъ къ ней указъ объ освобожденіи добродушнаго Гордона и просилъ ее завтрешній день съ нимъ увидѣться. И такъ за каждое учиненное ею честное и великодушное дѣло надлежало ей платить своимъ безчестіемъ. Она съ отвратительностію взирала на сію безчеловѣчную торговлю, въ коей нещастіе и благополучіе человѣческое было продаваемо. Она вручила своему любовнику указъ объ освобожденіи; но отка-

отказала въ свиданіи благодѣтелю, коего не могла уже она видѣть не скончавшись отъ горести и стыда. Простодушной растался съ нею для того только, чтобъ скорѣе освободить своего друга. Онъ къ нему полетѣлъ и исполнилъ сію должность, размышляя о странныхъ произшествіяхъ сего міра и дивясь мужественной добродѣтели молодой дѣвицы, которой два нещастные были одолжены болѣе нежели жизнію.

Глава XVII.

Простодушный, прекрасная Сентъ-Ива и родственники ихъ собравшіеся вмѣстѣ.

Великодушная и почтенная измѣнница осталась съ своимъ братомъ Аббатомъ де Сентъ-Ивомъ, съ настоятелемъ Горской обители и съ дѣвицею де Керкабонъ. Всѣ равно были удивлены; но состоянія и чувствованія ихъ были со всѣмъ различны. Аббатъ де Сентъ-Ивъ оплакивалъ свой проступокъ предъ своею сестрою, которая его простила. Настоятель и нѣжная сестра его такъ же плакали, но отъ радости; подлый судья и несносный сынъ его не безпокоилъ своимъ присутствіемъ сего про-

тротательнаго сообщества. Они уѣхали при первомъ слухѣ объ освобожденіи ихъ непріятеля и спѣшили предать забвенію въ провинціи свое безуміе и свой страхъ.

Все сіе общество, колеблемое безчисленными движеніями, дожидалось пока молодой человѣкъ возвратится съ другомъ, коего долженствовалъ онъ освободить. Аббатъ де Сентъ-Ивъ не смѣлъ взвести глазъ на свою сестру. И такъ сказала добродушная Керкабонъ, я опять увижу своего любезнаго племянника! Вы его увидите, говорила прелестная Сентъ-Ива; но онъ сталъ уже не тотъ человѣкъ: видъ его, голосъ, мысли, разумъ, все въ немъ перемѣнилось. Онъ теперь столько важенъ, сколько до сего былъ во всемъ простъ и страненъ. Онъ здѣлаетъ честь и будетъ утѣшеніемъ вашей фамиліи: по что не могу я также здѣлать чести моимъ

род-

роднымъ! И вы равномѣрно не таковы стали какъ прежде, сказалъ ей настоятель; что бы такое вамъ здѣлалось, что произвело въ васъ толь великую перемѣну.

Во время сего разговора Простодушный приходитъ держа за руку старика Янсениста. Тогда открылось новѣйшее и важнѣйшее явленіе. Оно началось нѣжными объятіями дяди и тетки. Аббатъ де Сентъ-Ивъ повергался почти къ ногамъ Простодушнаго, который не былъ уже болѣе простъ душею. Оба любовника разговаривали между собою взорами, кои изъявляли всѣ тѣ чувствованія, коими были они напоены. У одного на лицѣ изображалося удовольствіе и признательность, а у другаго на нѣжныхъ и нѣсколько смущенныхъ глазахъ видно было душевное безпокойство. Всѣ удивлялись отъ чего толикая радость была смѣшена съ печалію.

Ста-

Старой Гордонъ чрезъ нѣсколько минутъ учинился любезнымъ для всей фамилїи. Его уважали, что онъ былъ нещастенъ вмѣстѣ съ молодымъ невольникомъ. Будучи обязанъ за свое освобожденїе обѣимъ любовникамъ, отвергалъ уже онъ всѣ мысли противныя любви; застарѣлыя его жестокїя предразсужденїя истребились со всѣмъ изъ его головы; и онъ перемѣнился въ человѣка такъ какъ Гуронъ. Каждый разсказывалъ свои приключенїя прежде ужина. Оба Аббата и тетка слушали оныя подобно какъ малолѣтныя дѣти слушаютъ разсказываемыя имъ сказки о мертвецахъ и какъ совершенные люди, кои трогаются слыша толикїя нещастїя. Увы! говоритъ Гордонъ, можетъ быть есть болѣе пяти сотъ человѣкъ добродѣтельныхъ, кои находятся и теперь въ такихъ оковахъ, какїе дѣвица де Сентъ-Ива расторгнула. Но

стра-

страданіи ихъ неизвѣстны. Довольно есть рукъ на пораженіе множества нещастныхъ; но рѣдко найдешь, которая избавилабы отъ погибели. Сіе толико испанное разсужденіе увеличило его чувствительность и признательность: все усугубляло торжество прекрасной Сентъ-Ивы; всѣ удивлялись величію и твердости ея души. Удивленіе оное было соединено съ тѣмъ почтеніемъ, какое противъ воли ощущаютъ къ человѣку, имѣющему силу при дворѣ: но Аббатъ де Сентъ-Ивъ проговаривалъ иногда: Какимъ образомъ моя сестра могла такъ скоро получить у двора довѣренность?

За столъ хотѣли сѣсть весьма рано. Вдругъ Версальская пріятельница пріѣзжаетъ не зная ничего о томъ, что происходило; она была въ каретѣ въ шесть лошадей, и по екипажу довольно было примѣтно, кому оный

при-

принадлежалЪ. Она входитЪ сЪ надмѣннымЪ видомЪ какЪ придворная госпожа, пріѣхавшая сЪ важными дѣлами, кланяется весьма нерадиво собранію и отведши прекрасную СентЪ-Иву вЪ сторону, говоритЪ ей: для чего вы такЪ долго мѣшкаете? ПоѣдемЪ со мною; вотЪ ваши алмазы, кои вы позабыли. Она выговорила сіи слова тѣкЪ громко, что Простодушный ихЪ услышалЪ; онЪ увидѣлЪ алмазы; братЪ былЪ смущенЪ; дядя и тетка удивлялись только онымЪ какЪ простые люди, кои отЪ роду не видывали такой драгоцѣнной рѣдкости. Молодый человѣкЪ просвѣтившійся однолѣтнымЪ размышленіемЪ, сталЪ о томЪ не хотя разсуждать и казался на минуту изумленнымЪ. Любовница его то примѣтила; смертельная блѣдность разлилась по ея прекрасному лицу; она трепетала и едва на ногахЪ держалась: АхЪ государыня моя, сказала

она своей пріятельницѣ, вы меня погубили! вы мнѣ причиняете смерть! Сія слова пронзили сердце Простодушнаго; онъ уже умѣлъ собою обладать, и ничего на то не сказалъ, боясь обезпокоить свою любовницу предъ ся братомъ; но только также и самъ какъ она поблѣднѣлъ.

Сентъ-Ива встревоженная перемѣною примѣченною на лицѣ своего любовника, выводитъ гостью изъ комнаты въ небольшой переходъ и бросаетъ алмазы предъ нею на землю. Ахъ! не они меня прельстили, вы то знаете; но тотъ, кто ихъ далъ не увидитъ уже меня никогда. Пріятельница подняла ихъ, а Сентъ-Ива примолвила: пускай онъ ихъ возметъ назадъ или васъ подаритъ; поѣзжайте, не доводите больше, чтобъ я сама себя стыдилась. Посланница наконецъ отъѣхала не могши разумѣть отъ чего происходило въ

ней

ней терзанїе, коего была она свидѣтельницею.

Прекрасная Сентъ-Ива стѣсненная, чувствуя внутреннее волненїе занимающее у нее духъ, была принуждена лечь въ постель; но дабы никого не встревожить, скрывала она отъ всѣхъ мучительность своего состоянїя, и извиняясь единственно слабостїю, просила чтобъ позволили ей отдохнуть: гостей успокоила она утѣшительными и ласковыми словами, а на любовника своего обратила взоръ, воспламенившей его душу.

Ужинной столъ безъ веселаго ея присутствїя былъ сначала печаленъ; но оное важное смущенїе раждало прїятные и полезные разговоры, отмѣнно преимущественные предъ тѣмъ глупымъ веселїемъ, коего многїе ищутъ и кое обыкновенно состоитъ въ одномъ безпокойномъ шумѣ.

Гордонъ въ короткихъ словахъ разсказалъ исторію о Янценистве и Молинистве, о гоненіяхъ, коими одна сторона угнѣтала другую и о упорствѣ обѣихъ. Простодушный охуждалъ ихъ и жалѣлъ о людяхъ, кои посредѣ множества раздоровъ отъ пользъ ихъ происходящихъ, ввергаютъ себя еще въ новыя бѣдствія ради мечтательныхъ пользъ и ради неудобопонятныхъ нелѣпостей. Гордонъ разсказывалъ, другой судилъ; гости слушали съ содроганіемъ и просвѣщались новымъ свѣтомъ. Говорили о долговременности нашихъ нещастій и о краткости жизни. Примѣтили, что всякое званіе имѣетъ порокъ и опасность, кои съ онымъ сопряжены; и что отъ Государя до послѣдняго нищаго все кажется обвиняющимъ естество. Какимъ образомъ находится толико человѣковъ, кои за толь малые деньги дѣлаются утѣснителями, злодѣями

и губителями другихъ людей? Съ какою безчеловѣчною хладнокровностїю одни сидя подписываютъ истребленїе фамилїй; и съ какою жесточайшею радостїю другїе оное исполняютъ!

Я видѣлъ въ молодости моей, говорилъ добродѣтельный старикъ Гордонъ, родственника Маршала де Марилльяка, который претерпѣвая въ своей провинцїи гоненїе по тяжебному дѣлу онаго славнаго нещастнаго мужа, скрывался въ Парижѣ подъ чужимъ именемъ. Онъ былъ старикъ семидесяти двухъ лѣтъ. Жена его при немъ находившаяся была почти такихъ же лѣтъ. Они имѣли сына развратнаго, который четырнадцати лѣтъ ушелъ изъ отцовскаго дому, здѣлался солдатомъ, потомъ бѣжалъ и прошелъ чрезъ всѣ мытарствы развратной и бѣдственной жизни. Наконецъ назвавъ себя именемъ своей родины, вступилъ въ службу тѣлохра-

нителей Кардинала де Ришелье; [ибо сей Кардиналъ такжe какъ и Мазаринъ имѣлъ своихъ тѣлохранителей.] Онъ выслужилъ офицерской жезлъ въ сей ротѣ. Сему бродягѣ было поручено посадить подъ стражу онаго старика съ его женою, и онъ то исполнилъ со всевозможною жестокостїю человѣка, старающагося угодить своему повелителю. Въ то самое время, когда онъ ихъ велъ, услышалъ, что сїи два невольника оплакивали долговременное продолженїе нещастїй, кои претерпѣваютъ они съ дѣтства своего. Отецъ и мать между своими величайшими злополучїями разсказывали о заблужденїяхъ и о потерѣ сына своего. Онъ ихъ узналъ и не смотря на то, велъ въ тюрму, увѣряя ихъ, что онъ былъ долженъ служить его Высокомочїю предпочтительно всему. Кардиналъ де Ришелье наградилъ его за такую ревность.

Я знаю какъ шпіонъ отца дела-Шеза вѣроломно предалъ своего роднаго брата, въ надеждѣ получить за то небольшое доходное мѣсто; но онъ въ томъ обманулся; и я видѣлъ его умирающаго не отъ угрызенія совѣсти, но отъ печали, что былъ обманутъ Езуитомъ.

Должность моя, которую я исполнялъ долгое время какъ духовной человѣкъ, открыла мнѣ внутреннее состояніе фамилій; я ни одной изъ нихъ не видалъ, которая не была бы погружена въ горесть; но совсѣмъ тѣмъ по наружности покровенной личиною благополучія, кажутся плавающими въ веселіи; и я всегда примѣчалъ, что сильныя печали были плодомъ необузданныхъ нашихъ похотей.

Что касается до меня, говорилъ Простодушный, то я думаю, что душа благородная, признательная и чувствительная можетъ жить благо-

полу-

получно; и я весьма надѣюсь наслаждаться безмятежно благополучїемъ съ прекрасною и великодушною СентъИвою, ласкаясь, присовокупилъ онъ обратясь къ ея брату съ дружескою улыбкою, что вы мнѣ въ бракѣ не откажете такъ какъ прошлаго году, потому болѣе, что я къ тому приступаю благопристойнѣйшимъ образомъ. Аббатъ мѣшался въ своихъ рѣчахъ дѣлая извиненїя о прошедшемъ и увѣряя о вѣчной привязанности.

Дядя де Керкабонъ говорилъ, что такой день будетъ для него наипрїятнѣйшимъ днемъ въ его жизни. Простосердечная тетка восхищаясь и прослезясь отъ радости, вскричала: Я вамъ правду сказывала, что вы никогда не будете поддїакономъ; такое состоянїе гораздо лучше поддїяконскаго. Ахъ! какъ бы желала я достичь онаго! Я у васъ буду посаженою матерью. Посемъ стали они одинъ

предъ

предЪ другимЪ наперерывЪ похвалами превозносить нѣжную СентЪ-Иву.

ЛюбовникЪ ея имѣлЪ сердце преисполненное чувствованіями всѣхЪ тѣхЪ благодѣяній, кои она ему оказала. ОнЪ любилЪ ее столько, что приключеніе о алмазахЪ не производило вЪ сердцѣ его сильныхЪ впечатлѣній: но слышанныя имЪ слова: *вы мнѣ причиняете смерть*, еще устрашали его вЪ тайнѣ, и повреждали, всю его радость между тѣмЪ какЪ похвалы, отдаваемыя его прекрасной обладательницѣ, усугубляли паче его любовь. НаконецЪ ничемЪ больше не занимались какЪ только ею, говорили обЪ одномЪ благополучіи, коего сіи два любовника достойны; располагались всѣ жить вЪ Парижѣ; распоряжали мѣры кЪ достиженію щастія и знатности; предавались всѣмЪ тѣмЪ упованіямЪ, кои малѣйшій свѣтЪ благополучія толь легко производитЪ; но Простодушный

ный во внутренности своего сердца ощущалъ нѣкое сокровенное чувствованіе отвергавшее сію мечту. Онъ перечитывалъ обѣщаніи подписанные *Сентъ-Пуанжъ* и грамоты подписанныя *Лувуа*; ему описывали сихъ двухъ особъ такъ, каковы они были или каковыми ихъ почитали. Каждый говорилъ о министрахъ и о министерствѣ съ тою застольною вольностію, которая почитается во Франціи драгоцѣннѣйшею, какою только можно пользоваться въ свѣтѣ.

Еслибы я былъ Королемъ Французскимъ, говорилъ Простодушный, то вотъ какого бы я избралъ военнаго министра: Надлежитъ что бы онъ былъ изъ знатнѣйшей породы для того, что онъ даетъ повелѣніи дворянству; что бы онъ самъ бывалъ офицеромъ, чтобъ прошелъ всѣ военные чины, чтобы былъ покрайней мѣрѣ отъ Арміи Генералъ-Поручикъ

и

и достоинѣ быть Маршаломѣ Франціи; ибо не нужно ли, чтобѣ онѣ самѣ служилѣ, дабы лучше зналѣ всѣ подробности службы? И не будутѣ ли офицеры во сто разѣ сѣ большимѣ удовольствіемѣ повиноваться военному человѣку, который подобно имѣ ознаменилѣ свое мужество, нежели человѣку Кабинетному, который по большой мѣрѣ только догадкою судитѣ о военныхѣ дѣйствіяхѣ, какѣ бы онѣ впрочемѣ ни былѣ разуменѣ? Не противно бы мнѣ было, естьли бы мой министрѣ былѣ щедролюбивѣ, хотя бы отѣ того мой главной казначей былѣ временемѣ нѣсколько и озабоченѣ. Я желалѣ бы, чтобѣ онѣ отправлялѣ свою должность расторопно и свободно и чтобѣ также отличался тою веселостію духа, какѣ дарованіемѣ способнаго кѣ дѣламѣ человѣка, которая толико народу нравится и которая дѣлаетѣ всѣ должно-

сти менѣе тягостными. Онъ желалъ чтобъ министръ имѣлъ такое душевное свойство для того, что по примѣчанїю его человѣкъ веселаго духа не столько имѣетъ наклонности къ жестокосердїю.

Господинъ *де Луеуа* не былъ бы, можетъ быть, доволенъ выборомъ Простодушнаго: онъ имѣлъ другой родъ достоинствъ.

Между тѣмъ какъ были за столомъ, болѣзнь нещастной дѣвицы оказала страшныя признаки; кровь ея воспламенилась, ужасная горячка въ ней усилилась; она страдала и молчала, не хотя причинить смущенїя въ радости гостей.

Братъ ея, зная что она не спала, подошелъ къ изголовью ея постѣли: онъ ужаснулся увидя ее въ крайнемъ состоянїи. Всѣ прибѣжали; любовникъ послѣ брата бросился къ ней тотчасъ; онъ безъ сомнѣнїя былъ больше всѣхъ

встре-

встревоженъ и тронутъ. Но умѣя соединять скромность со всѣми преизящными дарованіями, к ими его природа наградила, сокрылъ онъ себя такъ, что кромѣ благопристойныхъ чувствованій ни чего не было въ немъ примѣчено.

Тотчасъ призвали сосѣдняго врача. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кои бѣгая посѣщаютъ больныхъ, кои всякую новую болѣзнь почитаютъ за туже самую, какую прежде видѣли; и употребляютъ слѣпое искуство въ такой наукѣ, въ коей со всею основательностью здравой и разсудительной разборчивости, не можно избѣгнуть неизвѣстности и опасности съ оною сопряженныхъ. Онъ усугубилъ зло своею торопливостію, предписавъ страждущей бывшее тогда въ модѣ лѣкарство. Мода и врачебную науку заражала! Такое безуміе было весьма обыкновенно въ Парижѣ.

Печаль-

Печальная СентЪ-Ива растравляла болѣе еще нежели врачЪ опасность своей болѣзни. Душа ея убивала тѣло ея. Множество терзавшихЪ ее мыслей, вливали вЪ кровь ядЪ опаснѣйшій нежели зло причиняемое сильнѣйшею горячкою.

Глава XVIII.

Прекрасная Сентъ-Ива умираетъ, и что отъ того происходитъ.

Призвали другаго врача; сей, вмѣсто того, чтобъ помочь натурѣ и оставить ее дѣйствовать въ молодой дѣвицѣ, у коей всѣ чувственные органы были еще жизненны, началъ пользовать ее лѣкарствами противными тѣмъ, какими пользовалъ его товарищъ. Болѣзнь въ два дни здѣлалась смертельною. Мозгъ, который престоломъ разумѣнія почитается, былъ столь же сильно пораженъ какъ и сердце, кое сказываютъ, есть обитель страстей.

Какая непостижимая движущая сила покорила всѣ человѣческіе органы

ны чувствованію и мыслямъ! Какимъ образомъ одно болѣзненное помышленіе разстроиваетъ теченіе крови, и какъ опять кровь приводитъ въ разстройство человѣческое разумѣніе? Что за невѣдомая влага, бытіемъ своимъ извѣстная, которая быстрѣе и сильнѣе свѣта, разливается скорѣе мгновенія ока по всѣмъ жизненнымъ протокамъ, раждаетъ чувствованіи, память, печаль и радость, разумъ или безуміе, напоминаетъ съ ужасомъ о томъ, что стараемся забыть и изъ мыслящаго животнаго содѣлываетъ либо предмѣтъ удивленія либо причину жалости и слезъ.

Сіи удивительныя вопрошенія дѣлалъ добродушный Гордонъ; но такое естественное, но рѣдко кѣмъ дѣлаемое разсужденіе, нималѣйше не ослабляло въ немъ соболѣзненныхъ чувствованій; ибо не былъ онъ изъ числа тѣхъ нещастныхъ любомудрцовъ,

кои усиливаются быть нечувствительными. Онъ былъ тронутъ жребіемъ сей молодой дѣвицы, какъ отецъ взирающій на любезное свое дитя умирающее медлительною смертію. Аббатъ де Сентъ-Ивъ былъ въ отчаяніи. Настоятель и сестра его проливали источники слезъ; но кто могъ описать состояніе любовника ея? Никакой языкъ не имѣетъ изрѣченій довольно сильныхъ къ совершенному изображенію сердечной его горести и душевнаго соболѣзнованія. Языки для сего весьма недостаточны.

Тетка почти полумертвая держала въ своихъ слабыхъ рукахъ голову умирающей, братъ ея стоялъ на колѣняхъ у постели. Любовникъ пожималъ руку орошая ее слезами и тяжкія испуская воздыханія: онъ называлъ ее своею благотворительницею, своею надеждою, своею жизнію, половиною самаго себя, своею обладательницею,

своею

своею супругою. При словѣ супруги, Сенъ-Ива вздохнула, поглядѣла на него съ несказанною нѣжностїю и вдругъ подняла ужасной вопль. Потомъ въ одну изъ сихъ минутъ, когда встревоженныя и удрученныя чувства и мучительныя страданїя успокоясь даруютъ душѣ свободу и силу, вскричала она: я ваша супруга! Ахъ, дражайшїй любовникъ! сїе имя, сїе щастїе, сїя награда не мнѣ уже предоставлены; я умираю, и того достойна. О! боже сердца моего! о ты! коего я принесла въ жертву адскимъ демонамъ! все совершилось, я наказана, живи благополучно. Сїи нѣжныя слова были невразумительны; но во всѣхъ сердцахъ произвели ужасъ и сожалѣнїе; она имѣла смѣлость изъяснить все то, что толико душу ея терзало. При каждомъ ея словѣ, всѣ предстоящїе трепетали отъ удивленїя, отъ скорби и соболѣзнованїя.

Всѣ

Всѣ единодушно ругали онаго многомощнаго вельможу, который жестокое неправосудїе усугубилъ ужаснымъ злодѣянїемъ и приневолилъ почтенную невинность быть своею соучастницею.

Кто! вы виновны! Сказалъ ей любовникъ ея: нѣтъ, вы со всѣмъ невинны. Преступникомъ не можетъ быть тотъ, чье сердце непредано пороку, а ваше принадлежитъ добродѣтели и мнѣ.

Онъ подтверждалъ такое свое мнѣнїе увѣренїями, кои казалось оживотворяли прекрасную Сентъ-Иву. Она чувствовала утѣшенїе и удивлялась, что еще была любима. Старый Гордонъ обвинилъ бы ее въ то время, когда былъ сущимъ Янценистомъ; но здѣлавшись разумнымъ, почиталъ ее и плакалъ.

Среди толикихъ слезъ и страховъ, среди опасности, коею сїя любезная

дѣвица

дѣвица занимала всѣхъ сердца, и отъ коей все было въ унынiи, извѣщаютъ что прiѣхалъ отъ двора курiеръ. Курьеръ! Отъ кого? и зачемъ? отъ королевскаго духовника къ Настоятелю Горской обители. Писмо было не отъ отца дала-Шеза, но отъ брата Вадбледа его камердинера, человѣка по тогдашнему времени преважнаго, который объявлялъ Архiепископамъ приказанiи отца дела-Шеза, давалъ аудiенцiи, обѣщавалъ духовныя мѣста и временно отправлялъ грамоты. Онъ писалъ къ Горскому Аббату: ,,что его Высокопочтенiе увѣ-,,домился о приключенiи его племян-,,ника, который былъ заточенъ въ ,,тюрму по невѣденiю, каковые ма-,,loважные нещастiи нерѣдко случа-,,лись, а потому ихъ не должно и ,,уважать. Наконецъ соглашаетъ, ,,чтобъ Настоятель на другой день ,,прiѣхалъ представить ему своего

,,пле-

„племянника и привезъ бы съ собою „старичка Гордона; что онъ братъ „Вадбледъ представитъ ихъ его Вы„сокопочтенію и господину *де Лувуа*, „который скажетъ имъ слова два „въ своей прихожей.

Онъ присовокупилъ къ тому, что приключенія о Простодушномъ и его противъ Агличанъ сраженіи разсказаны королю, что король конечно удостоитъ его мимоходомъ примѣтить въ галлереѣ и можетъ быть также кивнетъ ему головою. Писмо кончилось такимъ ласкательнымъ обнадеживаніемъ, что всѣ придворныя госпожи будутъ наперерывъ призывать его племянника къ своимъ уборнымъ столикамъ, что многіе скажутъ ему: *здравствуй господинъ Простодушный, здравствуй любезной Гуронъ*; и что непремѣнно станутъ объ немъ говорить за королевскимъ ужиномъ. Письмо было

ло подписано: *Вамъ доброжелательный Вадблед, братъ Езуитъ.*

Когда Настоятель прочиталъ въ слухъ письмо, то раздраженный его племянникъ удержась на минуту отъ своей запальчивости, ничего не сказалъ присланному, но обратясь въ нещастному своему сотоварищу, спросилъ его, какова ему кажется связь сего письма? Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что съ людьми поступаютъ какъ съ сущими обезьянами; ихъ бьютъ и послѣ заставляютъ плясать. Простодушной наполнясь природнымъ духомъ, который воспаляяся въ немъ во время когда душа его находилась въ сильномъ волненіи, изорвалъ въ куски писмо и бросилъ ихъ въ глаза курьеру, сказавъ: вотъ мой отвѣтъ. Устрашенный его дядя былъ тѣмъ поряженъ какъ громовымъ ударомъ и чаялъ видѣть всѣ бѣдствія на него низпадшія. Онъ скорѣе побѣжалъ писать письмо и старался

по возможности извинить поступокъ, приписывая оный горячести молодаго человѣка и запальчивости сильной его души.

Но печальнѣйшими помышленіями были заняты всѣхъ сердца. Прекрасная и злополучная Сентъ-Ива чувствовала уже приближеніе своей смерти. Она пребывала въ спокойствіи совершенно изнеможенной природы, которая не имѣла уже силъ съ собою сражаться. Дражайшій мой другъ! говоритъ она полумертвымъ голосомъ, смерть караетъ меня за мою слабость, но я умирая утѣшаюсь тѣмъ, что вижу тебя на свободѣ. Я тебя обожала измѣняя, я тебя обожаю и въ сей смертной часъ; прости навѣки!

Она не оказывала суетной твердости духа; она не плѣнялась тою пустою славою, чтобъ ближніе ея сказали: она скончалась мужественно. Кто можетъ безъ сожалѣнія, безъ тер-

занія

ванія лишиться на дватцатомъ году своего любовника, своей жизни, и того что называютъ честію? Она ощущала, сколь было ужасно ея состояніе; она давала то чувствовать смятными словами и мертвыми взглядами, кои обнаруживаютъ прискорбіе души. Напослѣдокъ плакала она также какъ и другіе въ тѣ минуты, когда была въ силахъ плакать.

Пускай другіе стараются восхвалять пышную смерть тѣхъ, кои съ нечувствительностію приходятъ въ разрушеніе. Сіе свойственно однимъ животнымъ. Мы умираемъ подобною имъ смертію тогда только, когда отъ дряхлой старости или отъ болѣзни наши чувственные органы здѣлаются такъ тупы и ослаблены, какъ у нихъ. Претерпѣвающій великую потерю, поражается сильнымъ сожалѣніемъ и соболѣзнованіемъ, а естьли онъ его задушаетъ, то чрезъ то обнаруживаетъ

даетъ лишь, что тщеславіе владычествуетъ въ немъ и въ самой смертной часъ.

Злополучная минута настала; всѣ предстоящіе возрыдали и возопили. Простодушный лишился дѣйствія чувствъ. Крѣпкія души, смягченныя любовію, имѣютъ чувствованія гораздо сильнѣйшія нежели прочіе люди. Добродушный Гордонъ зная его довольно, боялся чтобъ онъ съ горести и отчаянія не причинилъ себѣ смерти. Всѣ орудія были спрятаны: нещастный юноша примѣтя то, сказалъ своимъ родственникамъ и Гордону безъ слезъ, безъ стенанія и безъ сердечнаго волненія: „И такъ вы думаете, что есть „нѣкто на земли, который имѣетъ „право и власть воспрепятствовать „ мнѣ кончить мою жизнь? „ Гордонъ примѣтя въ немъ такія мрачныя мысли, старался не допустить его до отчаянія и доказывалъ, что не позволяет-

вляется употреблять вольность на пресъченіе бытія, хотя и угнѣтено оно ужаснымъ зломъ; что не надлежитъ прежде времени оставлять дому опредѣленнаго къ нашему жительству; что человѣкъ поставленъ на земли какъ солдатъ на своемъ сторожевомъ мѣстѣ, съ коего не долженъ сойти, пока другой его не смѣнитъ. Таковые убѣдительные доводы представлялъ добродушной Горденъ своему товарищу для отвращенія его отъ самоубійства; но рѣдко имѣютъ онѣ дѣйствіе надъ душею раздраженною сильнымъ отчаяніемъ.

Смущенное и страшное Простодушнаго молчаніе, мрачные глаза его, уста трепещущіе и содроганіе тѣла его, производили въ душѣ всѣхъ взиравшихъ на него, сію смѣсь соболѣзнованія и ужаса, которая связываетъ всѣ силы душевныя, которая отъемлетъ всякую рѣчь и которая изъявляет-

вляется одними только прерывающимися словами. Хозяйки и ея домашніе прибѣжали, препешали отъ его отчаянія, не спускали его съ глазъ и примѣчали всѣ его движенія. Уже оледенѣлое тѣло прекрасной Сентъ-Ивы было отнесено въ отдаленной покой, дабы сокрышь оное отъ глазъ любовника, который казалось непрестанно искалъ ее, хотя не въ состояніи уже былъ ничего видѣть.

Среди сего зрѣлища смерти, между тѣмъ какъ тѣло выставленное стоитъ у воротъ дому, какъ духовные возносятъ моленіи въ глубокомысліи; какъ прохожіе съ нерадѣніемъ отдаютъ послѣдней долгъ умершей, а другіе продолжаютъ путь свой съ безпристрастіемъ, и какъ любовникъ не чаетъ пережить своей потери, Сентъ Пуанжъ пріѣзжаетъ съ Версальскою пріятельницею.

Минут-

Минутная его склонность бывъ удовлетворена одинъ только разъ, здѣлалась страстною любовію. Отриновеніе благотвореній причинило въ немъ досаду. Отецъ дела-Шезъ не вздумалъ бы никогда пріѣхать въ сей домъ; но Сентъ-Пуанжъ, имѣя всякой день предъ глазами образъ прекрасной Сентъ-Ивы, горя желаніемъ насытить страсть, которая будучи единожды удовлетворена, вселила въ сердце его сильную похоть, не долго размышлялъ о своемъ пріѣздѣ къ той, которую можетъ быть, не захотѣлъ бы онъ и самъ видѣть у себя три раза, если бы она сама къ нему пріѣхала.

Онъ выходитъ изъ кареты; первымъ предмѣтомъ ему встрѣтившимся былъ гробъ; онъ отвращаетъ свой взоръ съ холоднымъ презрѣніемъ, какъ человѣкъ въ нѣгѣ воспитанной, которой думаетъ, что всякое зрѣлище, воспо-

воспоминающее человѣческія бѣдствія, должно быть отъ него сокрыто. Онъ хочетъ войти въ домъ. Версальская барыня изъ любопытства спрашиваетъ, кого погребаютъ? Ей объявляютъ имя дѣвицы де Сентъ-Ивы. При семъ имени блѣднѣетъ она и подымаетъ ужасной вопль. Сентъ Пуанжъ возвращается; изумленіе и скорбь преисполняютъ его душу. Добродушный Гордонъ стоялъ тутъ же обливаясь слезами. Онъ оставляетъ моленіе, дабы увѣдомить придворнаго человѣка обо всемъ ономъ ужасномъ приключеніи, говоритъ ему съ такою силою, какую внушаетъ печаль и добродѣтель. Сентъ-Пуанжъ съ природы не былъ злонравенъ; множество дѣлъ и забавъ упражняли его душу, которая еще не знала самой себя. Онъ не достигъ еще до той старости, которая обыкновенно ожесточаетъ сердца министровъ; онъ слушалъ Гордона потупя

глаза въ землю, отиралъ слезы и удивляяся пролитію оныхъ; онъ пришелъ въ раскаяніе.

Я непремѣнно желаю видѣть, говорилъ онъ, сего чрезвычайнаго человѣка, о коемъ вы мнѣ сказываете; онъ меня тронулъ почти столькоже, какъ и сія невинная жертва, коей я причинилъ смерть. Гордонъ препроводилъ его въ покой, гдѣ Настоятель, дѣвица Керкабона, Аббатъ де Сентъ-Изъ и нѣкоторые сосѣди заботились привести въ чувство молодаго человѣка павшаго опять въ обморокъ.

Я причинилъ вамъ нещастіе, говорилъ ему подъ-министръ; я не премину пока живъ, стараться объ отвращеніи отъ васъ онаго. Первая мысль Простодушному представилась та, что бъ его поразить, а послѣ и самому себя умертвить. Намѣреніе самое справедливое; но у него не было никакого орудія и его строго наблюдали.

ли. Сентъ-Пуанжъ будучи виновенъ, не оскорбился слыша, что онъ отъ всѣхъ его обнадеживаній отрицаясь, укорялъ его, презиралъ и угрожалъ ему. Время все заглаждаетъ.

Наконецъ Господинъ де Лувоа съ Простодушнаго здѣлалъ превряднаго офицера, который подъ другимъ именемъ находился въ Парижѣ и въ войскахъ съ похвалою отъ всѣхъ честныхъ людей и который былъ и воинъ и философъ неустрашимый.

Онъ никогда не разсказывалъ сего приключенія безъ воздыханія; но всегда почиталъ тѣ минуты утѣшительными, когда имѣлъ случай объ ономъ говорить. Ему любезно было воспоминаніе о нѣжной Сентъ-Ивѣ даже до послѣдней минуты его жизни. Аббатъ де Сентъ-Ивъ и Настоятель, каждой имѣлъ изрядныя духовныя мѣста; простосердечная Керкабона желала лучше видѣть своего пле-

племянника военнымъ чиновникомъ нежели подъдїякономъ. Версальская плутовка завладѣла алмазными сергами и получила еще богатой подарокъ. Отецъ Тушъ-а-Тусъ досталъ себѣ въ награжденїе нѣсколько ящиковъ, шеколаду, кофею, леденцу, лимонныхъ вареньевъ и нѣкоторые книги о духовныхъ умствованїяхъ, переплетенныя въ сафьянъ. Добродѣтельный Гордонъ жилъ съ Простодушнымъ до самой смерти своей въ искреннѣйшемъ дружелюбїи. Онъ также имѣлъ духовное мѣсто, предавъ вѣчному забвенїю всѣ нелѣпости Янценистскаго ученїя. Онъ принялъ себѣ девизомъ: *Нещастїе къ чему нибудь годится.* Но сколько есть на свѣтѣ людей, кои могутъ сказать: *Нечастїе ни къ чему негодится.*

Въ луговой Миліонной у книгопродавца Миллера подъ No 77. По Невской перспективѣ къ Адмиралтейству супротивъ новой Исакіевской улицы у книгопродавца Клостермана подъ No 69 продаются слѣдующія книги:

Гуронъ или Простодушный, содержащая справедливое повѣствованіе, наполненное забавными, жалостными, нравоучительными и критическими приключеніями сочин. г. Волтеромъ, 1 руб. 50 коп.

Смѣсь Часть I. содержащая повѣсть о развратномъ сынѣ Енни и о другѣ его Биртонѣ, приключеніе Мирзы Рюстана и разныя Философическія, нравоучительныя, аллегорическія и критическія статьи соч. г. Волтера, 1 руб.

Изъ сей Смѣси особо продается повѣсть о Енни 45 коп.

Приключеніе Рюстана 25 коп.

Смѣсь Часть II. изъ Волтеровыхъ сочиненїй, содержащая разныя же статьи со включенїемъ любопытныхъ сказанїй о Волтерѣ и о Королѣ Пруском. 80 коп. Продолженїе печатается.

Лѣтописи 8 книгъ содержащихъ разныя историческія дѣянія описанныя безъ всякаго пристрастія. Сочин. г. Волтера 2 руб. 50 коп. Продолженїе печатается.

А вмѣстѣ всѣ пять частей оныхъ Волтеровыхъ сочиненїй 5 руб.

Смѣходѣй, содержащей 20 разныхъ забавныхъ и смѣшныхъ приключенїй 1 руб.

Послѣднія мысли Короля Пруского, писанныя его собственною рукою 25 коп.

